

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МК МИЛТОН

Исповедь Самсвилля

МК. Милтон

Исповедь Самбервилля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55339426

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06014-2

Аннотация

Кайл Самбер – человек, который построил собственный город и любезно распахнул его ворота для тех, кому пришлось встретиться со своими пороками лицом к лицу. У него своя религия, своя догма, свой постулат. Самбервилль полон секретов, мрачной истории, любви, оставляющей шрамы, и только его создатель держит в руках клубок судьбы, виток за витком, открывая все больше истины. Это его исповедь, и ему нечего бояться, потому что вряд ли кто-то осмелится обозначить его город на карте. Содержит нецензурную брань.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	13
ГЛАВА 2	61
Несколько дней назад	72
ГЛАВА 3	85
ГЛАВА 4	117
Конец ознакомительного фрагмента.	123

ПРОЛОГ

По небольшой дороге со свежееуложенным асфальтом, уверенно шел мужчина. Налакированные черные туфли ступали мягко и тихо, будто он был грозным хищником перед решающим прыжком. Его антрацитовое пальто сливалось с плотным и густым туманом, растворяя его и так на безлюдной улице. Руки скрывали кожаные перчатки, которые крепко сжимали зонт—трость. Осенняя погода, уже который месяц совсем не радовала жителей этого города, но он чувствовал себя комфортно, и не обращал внимания на чрезмерно повышенную влажность и промозглый холод.

С первого взгляда трудно было отгадать, кто же он: один из местных жителей или же случайно забредший путник, который сбился со своего пути.

Только те, кто давно жили здесь, знали, что с такой уверенностью, по тропам города, мог идти только один человек. Все, что находилось вокруг, смиренно боялось и уважало его. Даже старые многовековые дубы склоняли перед ним свои тяжелые безлиственные ветви. Здесь он был хозяином. Был сердцем Самбервилля.

Его твердая походка, вела к местной достопримечательности – к средневековому храму, который придавал городу еще более мрачный вид.

Небольшой католический храм величественно возвышал-

ся над туманным ландшафтом города и протыкал мрачное небо острой вершиной. Землистый цвет стен носил на себе отпечаток древности. Это было единственное здание, которое стояло здесь не один век.

Недостроенная продолговатая башня имела колокол, который звонил ровно одиннадцать раз, по приказу нового хозяина на самые великие, по его мнению, праздники.

Он слышал, что у подножья собора похоронено несколько поколений. Это было слишком символично и идеально для того, чтобы кардинально что-то менять. Витражные треугольные окна, словно пустые глазницы, зияющие под толщей серого смога, внушали тревогу и упокоеие одновременно. А решетчатые остроконечные прутья, невольно напоминали о грехах, которые непременно придется искупить.

Его тяжелый взгляд скользнул по небольшим башенкам—шпилям.

Он прекрасно помнил, как несколько лет назад вложил в реставрацию этого храма чуть ли не целое состояние.

Его рука коснулась мощной ограды, та жалобно заскрипела и нарушила зловещую тишину. Он вошел в небольшой дворик, который не совсем вписывался в архитектурный шедевр, потянул на себя тяжелую, массивную кованую дверь, и вошел внутрь.

Два пальца опустились в мраморную кропильницу, которая стояла на входе. Незнакомец хотел перекреститься, но передумал.

Внутри было сыро и затхлый запах неприятно бил в нос.

Он поднял ворот своего пальто, раздраженно съежился, и прошел вдоль рядов молитвенных скамеек. На одну из них он неосторожно бросил свой зонт, нарушая звенящую тишину глухим звуком.

– Я могу чем-то помочь, господин Мэр?

На звук одиноких шагов, вышел невысокий молодой мужчина в черном костюме, с белой полоской под воротником.

– Пришел узнать, как дела, – гость безразлично осмотрел пресвитерий, – но раз уж я здесь, возможно, ты примешь меня, монсеньор?

Взглядом он указал на конфессионал, и святой отец сделал пригласительный жест рукой.

Храм снова наполнился эхом шагов и прекратился тогда, когда они вошли в исповедальню.

– Я могу начинать, монсеньор? – ровным голосом, без дрожи, словно исповедь для него абсолютно привычное дело, произнес он.

– Грех есть страшный яд для души. Если твоя душа просит очищения, то ей необходимо противоядие. Покайся и Господь простит тебя.

– Что такое душа, осмелюсь спросить? Ты как человек знающий, легко сможете дать мне определение сему придуманному органу, —ухмыльнулся мэр, который все это время пытался устроиться удобнее на деревянной лавке.

– Душа является сосудом. Чем наполнить ее – право каж-

дого. Только нужно помнить, что грехи, как смола. Они впитываются, делают ее грязной и черной, – ответил святой отец.

Он пытался рассмотреть сквозь сетку лицо Мэра. В таком состоянии он его еще никогда не видел. Да и вообще, встречались они крайне редко. Мэр никогда не приходил на службу, но частенько жертвовал немалыми суммами в пользу храма.

– Ты хорошо знаешь сказки, монсеньор? Сегодня, скажем так, я даю тебе ключи от всех комнат в моей душе и если ты откроешь их кому-то еще, то запятнаешь ключи кровью. И эта кровь будет твоей.

Мэр оглядел скучным взглядом конфессионал, который напоминал ему скорее тесный и унылый склеп, чем место очищения.

Пауза затянулась надолго и вздохнув, он заговорил снова:

– Таинство исповеди и все такое? Я хорошо подготовился.

– Все верно. Ты можешь рассказать все, что тебя беспокоит, господин мэр, – кивнул монсеньор.

В своих ладонях он крепко сжимал небольшой деревянный крест.

– О, я и не надеюсь на индульгенцию. Это было бы неслыханной щедростью раздавать прощение убийцам.

– Каждый сын божий заслуживает на прощение...

– Что вы знаете, о любви до гроба? – перебил священника Мэр.

Ему хотелось совершить то, что он задумал, и покинуть эту давящую своими темными стенами, комнатку.

– Хотя у кого я спрашиваю? Для тебя нет другой любви, кроме как любви к Господу Богу. Но у меня не было другого выхода. Я встретил его в тот момент, когда остро нуждался в этом. Он стал моим учителем, духовным наставником и открыл глаза шире на этот грязный мир. А деньги? Деньги, которые он платил мне, по сути, за то, что и так мне нравилось, хватило бы на всю оставшуюся жизнь.

– Что он заставлял тебя делать?

– Я разве сказал, что меня кто-то заставлял?

В голосе Мэра послышались нотки возмущения.

– Ты сказал, что у тебя не было другого выхода. Выход есть всегда...

– И это говорит мне человек в рясе? Вместо того, чтобы спать с лучшими женщинами мира, касаться их манящих тел, пить дорогие напитки, жить в свое удовольствие, ты, монсеньор, существуешь в этом прогнившем храме и выслушиваешь бред грешников. Может быть, ты извращенец? Тебя возбуждают рассказы падших женщин? То, как они изменяют мужьям, а после, изменяют любовникам и плачут на твоём плече, вымаливают прощения, при этом касаясь своей упругой грудью?

Мэр и сам не понимал, почему так вспылел, но это был его храм. Здесь все принадлежало ему. И он знал, что все, что он скажет, будет выслушано. Внимательно и безукоризненно.

– Я служу Всевышнему и помогаю заплутавшим душам. Мне кажется, твоя душа так же потеряла путь к светлomu, – спокойно ответил святой отец, хотя крест в руке с силой вжался в кожу.

– Душа... Ты как старый, заезженный проигрыватель. Пластинка порядком истаскалась, исцарапалась, а ты все так же продолжаешь настойчиво скрести по ней иглой, раздражая своим истошным скрипом всех адекватных людей. Но я тот, кто с легкостью может скинуть звукозаписывающую ленту и все прекратится.

Мэр прикрыл на секунду глаза. Он пробовал на вкус мимолетный страх, который чувствовал нутром.

Чужой страх был для него наивысшим кайфом: лучше любых наркотиков и ярче любого оргазма.

– Господь давно спустился с небес и бесследно пропал в пошлых, безвкусно украшенных барах. Этот парень любит все невзрачное и примитивное. Иначе бы не создал человека. Пока он заливает в глотку любимое красное вино, такие идиоты как ты, возносят руки к пустым небесам. Но пока здесь есть я, ты можешь считать меня его заместителем, пасынком, бастардом.

– Я напишу тебе страницы из Библии, которые нужно будет прочесть. Молитвы, – начал святой отец, но мрачный гость снова раздраженно перебил его:

– Мы живём в двадцатом веке. Я могу купить себе новое сердце, новое тело, любую внешность. Неужели ты

думаешь, что я буду читать скучно сложенные стишки, которые ты называешь молитвой? Каноны, тропари, кондаки и акафисты – это все не мое. Меня тошнит от этих слов.

Он хлопнул руками по коленям, и поднялся с неудобной лавки.

– Только Святое Причастие способно даровать прощение, даже все вышеперечисленное тобой, находится в руках Божьих...

– Я так понимаю, мне следует покаяться искренне? – мэр прищурился еле сдерживая улыбку.

Ему нравилось испытывать на прочность человека, который добровольно отверг любые удовольствия. Он видел в нем глупое существо, которое упивалось верой и не знало её настоящей сути.

– Только это путь к избавлению...

– Тогда я каюсь монсеньор, безумно каюсь. Каюсь в том, что довольствовался малым, терзался муками совести, и частично разделял твою точку зрения. В то время, когда я мог давить ступнями бочки винограда, я позволял себе испивать сок из случайно попавших ягод в мои руки.

– Я не понимаю, что ты имеете в виду.

– Ты понимаешь, ты все понимаешь...

Мэр хотел скорее покинуть тесное пространство и в последний раз наполнил свои лёгкие тяжёлым запахом воска.

– Меня создал ваш творец. Ваш идол, – он ткнул пальцем на распятие, которое так отчаянно сжимал в своих ру-

ках монсеньор.

– Как что-то совершенное, требующее поклонения, могло создать испорченный элемент в своей безупречной системе?

– Господь всегда оставляет человеку выбор, каждый из нас волен нести в этот мир свет или поклоняться злу.

– Не означает ли это то, что сила Всевышнего слишком переоценена и даже ему не под силу предвидеть исход?

– Пути Господни неисповедимы...

– А может твой Бог не так хорош? – мэр рассмеялся, когда уловил в глазах монсеньора растерянность.

Проводник между двумя мирами, пусть на секунду, но задумался о правде, которая сквозила из его слов.

– Если бы он был справедлив, он бы уничтожил меня и защитил всех, кто ему молится. А они делают это в свой последний час, я слышал.

– Твоя душа слепа. Бог повсюду, тебе стоит просто позволить ему...

– Я и есть Бог. Все здесь создано мной, и ждет моего участия. Я обязательно навещу приду еще, и мы продолжим нашу беседу. Ты не глупый человек, и я вижу, что ни одно из моих слов не было сказано зря. Ты близок к истине.

Мэр отряхнул пальто и направился к выходу.

– Мистер Самбер, – окликнул его священник.

Он остановился, но поворачиваться лицом не собирался.

– Господь с тобой.

– Господь мёртв, глупец, – прошептал мэр и толкнул мас-

сивную дверь. – Он умер сразу после того, как его предали.

ГЛАВА 1

Свинцовое небо сгушалось над городом, прижимало его к земле, а в воздухе царило напряженное молчание. Безлюдные улицы прочесывал ветер, который гремел вывесками. Идеально.

Даже погода соответствовала пожеланиям своего хозяина. Он толкнул дверь в бар и вошел в него. Несколько столов были заняты развеселыми завсегдатаями. Он не слышал, что они говорили, только видел, как широко открывались их рты, как звучал каркающий и хрипловатый смех. Они стучали деревянными кружками, темный эль выливался через их края и растекался липкой лужей по глянцевой столешнице.

Мерзкое зрелище. Просто кучка насекомых, которым позволено почувствовать радость в собственном террариуме.

– Мистер Самбер, рады приветствовать.

Он вернул сжатые пальцы в спокойное положение, улыбнулся и снял пальто.

– Как идут дела, Джес? – задал вопрос Самбер.

Униформа, которая состояла из клетчатой рубашки в виде топа и короткой плиссированной юбки, гармонировала со смуглым, поджарым телом. Выющиеся волосы угольного цвета были собраны в высокий хвост. А длинные ноги украшали сапожки со шпорами. Высокие скулы были обильно присыпаны румянами, толстая черная подводка подчеркивала ази-

атские корни, которые обычно тяжело скрыть.

– Все хорошо, мистер Самбер, посетителей становится все больше.

Можно подумать он не знал.

Не догадывался откуда берутся все эти люди, населяющие то, что принадлежит ему.

– Я не об этом, Джес.

– Что ты будешь пить? – спросила она, и Самбер увидел, как дрожат ее руки.

– Я выпью рюмку абсента, после того как ты ответишь на мой вопрос.

Он не отводил взгляд от своей собеседницы. Ему нравилось ковыряться внутри таких душ, нравилось извлекать наружу то, о чем они предпочитали забыть. Ты жив пока испытываешь боль. После того, как все становится безопасным – ты мёртв. Мёртв и неуязвим.

Джес была одной из первых, кто поселился в городке, который существовал исключительно на бумагах. На пустынном холме возвышалось только острие пик церкви, и множественные леса, где не покладая рук трудились строители. Муж Джес был одним из них. Она находилась на улице, когда услышала знакомый крик, оборванный грохотом строительного шума. Джес замерла, словно её парализовало. Она поняла, что произошло. Ей не нужно было смотреть, чтобы знать, в чем дело.

Шумиха была поднята жуткая, но длилась она недолго.

Приехал шериф, констатировал несчастный случай и увез бедолагу в морг. Работа закипела вновь, рабочие перебирались по балкам как муравьи, и каждый из них не был застрахован от того, что его не собьют оттуда пальцем ради забавы.

Но дело было совсем не в этом. За эти несколько лет, Джес не завязала новых отношений. Он никогда не встречал ее в компании мужчин. Несколько раз он плелся за ней до самого дома, но так и не смог увидеть ничего интересного.

– У меня все по-старому, мистер Самбер.

Она поставила перед ним рюмку, которую поспешила наполнить изумрудной жидкостью.

– Я смотрю на молодую и красивую женщину, а вижу перед собой труп. Джес, ты не должна приносить себя в жертву отношениям, которые унес с собой в могилу твой муж. Его крест принадлежит только ему, отрекись от траура. Я уверяю, он не нужен тебе.

Его рука в черной перчатке накрыла ее ладонь, и он тут же уловил страх.

Все боялись господина мэра. Его считали чокнутым, который решил поиграть во власть и закон и собрал вокруг себя кучку изгоев и одиночек. Это было сродни той библейской истории о падшем ангеле, о котором по воскресеньям в церкви рассказывал святой отец.

Ангел пал и собрал вокруг себя себе подобных. Отвергнутых и нищих. Слабых духом, предателей и изменников.

– Это не больно? – спросила она.

Она смотрела на черные линии, которые переплетались то ли в рисунки, то ли в слова. Расстояние между перчаткой и рукавом было совсем немного и рассмотреть татуировку не удавалось. Самбер обнажил свои белые зубы в улыбке и наклонился ближе, чтобы его слова как можно сильнее отпечатались в ее памяти.

– Найти хорошего мастера, это почти то же самое, что и найти хорошего любовника, – он пристально смотрел в глаза Джес, нарочно выбирая столь пошлое и грязное сравнение, – когда игла касается кожи, ты получаешь моральный экстаз от каждого прикосновения. Легкая примесь боли еще никогда не портила хороший секс.

Джес кажется совсем перестала дышать. Вокруг них замерло, будто господину мэру была дана не только власть в этом паршивом городе, но и над временем.

– Я ещё не готова, – почти шепотом ответила Джес и избавила свои дрожащие пальцы от его прикосновений.

Он скользнул по ней взглядом, и одним глотком опустошил стопку с ядовито—зеленой жидкостью.

Было в его движениях что-то такое, неподвластное каждому, отрывистое и резкое. Оно подтверждало, что вся жизнь состоит из вспышек.

Первая сигарета, первая неудачная компания, первый разрыв, первый обжигающий глотку глоток в полном одиночестве. Вспышка за вспышкой, шаг за шагом. Жизнь состоит из событий, а события в жизни Джес закончились с последней

горстью земли, упавшей на крышку гроба. Она добровольно легла рядом с ним и слушала, как в крышку забивали гвозди.

– На выходных в городе пройдет фестиваль «сбежавших невест», ты же придёшь? Организаторы обещают веселье...

– Я работаю в выходные...

– Тебя подменят, – нетерпеливо оборвал ее речь Самбер. Джес нервно выдохнула. Никто в этом городе не смел противоречить мэру. Это был негласный закон. Немое правило, гарантирующее безоблачное будущее.

Прошлогодний фестиваль был интересным. Девушки города наряжались в винтажные свадебные наряды и привносили в их свою изюминку. Кто-то нещадно разрывал подол, кто-то разливал на кружевную ткань яркие алые краски. Участницы фестиваля собирались у импровизированных алтарей, которые были украшены всякой немислимой атрибутикой, и давали задания потенциальным женихам. К концу вечера, зрители выбирали самую лучшую пару. Считалось, что победившая девушка в течении года выйдет замуж. Старинное поверье ещё ни разу не давало сбой.

– Я приду, – покорно кивнула Джес.

– Славно.

Он подхватил свое пальто, и бросил грозный взгляд на шумных посетителей. – Не избегай тревожной кнопки, если что-то пойдёт не так. Ты здесь слишком выделяешься.

– Да, мистер Самбер.

Джес схватила в руки пустую стопку, стараясь занять себя.

Мэр никогда не обращал на нее внимания. Если на одну чашу весов закинуть все чувства, которые можно было испытывать к нему, а на другую бросить весь тот страх что он всеял, то вторая чаша нещадно перевешивала.

Мистер Самбер не проявлял жалость. Не знал сострадания. Его никогда не видели с животными или детьми. Человек, который построил здесь все, являлся самой странной загадкой этого города.

Утро субботнего дня, на удивление выдалось не настолько туманным, как хотелось бы. Джес многое бы отдала за то, чтобы хлынул непроходимый дождь и фестиваль отложили. Но этого не случилось. Асфальт был сухим, а на небе не было и намека на грозовую тучу.

Девушка открыла громоздкий старый шкаф. Многие вещи давно просились на помойку за своей ненадобностью, но рука на подобное кощунство не поднималась. Джес хранила в каждом клочке ткани память. В каждом пустом пузырьке воспоминания.

Так она пахла, когда он сделал ей предложение. Стоило только поднести к носу флакон, и она тут же перемещалась в небольшую беседку. Вокруг цвела сирень и пели птицы...

Девушка убрала флакон, тем самым прогоняя от себя сладкие воспоминания, которые помимо её воли были пропитаны тонким и обволакивающим сладким запахом смерти. Это было похоже на насмешку, на плевок в душу, чёрный

юмор. Они молодые и счастливые приехали в новый город всего несколько лет назад. А сейчас её пальцы хватались за пустоту, а его одинокая могила украшала погост кладбища, где он был единственным обитателем.

За окном в предпраздничной суматохе носились жители. Джес всех знала в лицо. В маленьком городе трудно оставаться незамеченным, и трудно не слышать, как за твоей спиной шепчутся.

Она скрутила длинные угольно-черные волосы в жгут. Должно было получиться что-то вроде свадебной причёски, по крайней мере так обещало просмотренное накануне видео. Джес не претендовала на победу. Ей просто хотелось на несколько часов создать иллюзию радости, а потом незаметно исчезнуть.

Мимо окна проехала белая машина, безвкусно украшенная шарами и яркими флажками. Из люка высунул голову парень, расплескивая на сухой асфальт шампанское.

Джес закрыла шторы и вернулась к зеркалу. Она продолжала с усилием вставлять в густые волосы невидимки.

Иногда ты умираешь раньше своего тела, такое случается. И совсем не важно, сколько твой скелет будет выполнять ежедневные запрограммированные функции. Ходить на работу, принимать пищу, использовать душ, – это не значит жить. Джес знала об этом не понаслышке.

Тяжелые черные ботинки грубо ступали по яркому кон-

фетти и впечатывали их в пожелтевшую траву. Раньше он никогда не приходил на начало фестиваля. Люди были трезвыми и приятно встревоженными. А это было скучно и не интересно. Но сегодня особый случай. Сегодня, ему самому захотелось принять во всем этом участие.

Хотелось попробовать что-то новое. Самбер знал, что участие в этом глупом конкурсе вряд ли даст эмоциональную разрядку.

Закоренелого наркомана трудно удивить сухой ромашкой, опытного любовника не заденешь невинным прикосновением, а его не трогало ничего из того, что было в рамках приличия и закона.

Затащить в постель любую из девиц города? Пресно.

Заказать у аптекаря запрещенные препараты и употребить. Вряд ли у него потребуют рецепт. Но это все было не то.

Хотелось не просто грешить, а нарушать заповеди. Одну за одной. Ставить напротив каждой жирную галочку.

Самбер знал, их слишком мало, и понимал, что и это однажды наскучит. Что тогда станет следующей ступенью, позволяющей выбросить из его головы скуку?

Загадывать будущее тоже утомительно. Пусть это будет сюрпризом, которому он удивится, или всего лишь изобразит удивление.

Множество украшенных алтарей, установленных вдоль дороги, куча молодых девушек во всем белом. В этом месте

практически не было стариков и больных. Мэр не хотел, чтобы здесь умирали. И только чертов строитель испортил его статистику.

Он шел вдоль шоссе, щурился от яркого солнца. Светлые волосы, были аккуратно уложены. Белоснежный воротник окручивал тугой петлей кровавый галстук. Если бы он снял пальто, на мощных руках, которые обтянула белоснежная ткань, можно было заметить черные узоры на коже. Именно из-за этого Самбер ненавидел белое, но спорить с обычаями не стал.

Праздничная суматоха охватила каждого, въелась в подкорку, абстрагировала от реальности. Особенно падки на торжество оказались девушки. Их пышные юбки хрустели от каждого неосторожного движения. Поблескивающие на солнце украшения, раздражали сетчатку. Если мужская половина видела в этом возможность выиграть приз в виде ночного увлечения, то женская часть...

Самбер не смог сдержать ухмылку. Женщины... Сколько примитивности таилось в них. Наверное, поэтому они живут дольше мужчин, которые склонны к авантюрам. Какого мужика осчастливишь красивой одеждой и кольцом, которое подразумевает под собой пожизненную верность?

Самбер вертел в кармане зажигалку, ее металлические бока остужали кожу. Веселая музыка отдавалась эхом на городской площади, рекой лились бесплатные напитки. Время от времени, взрывались хлопушки с разноцветным конфетти.

Самые смелые «женихи», уже подходили к алтарям «невест», которые с капризным видом излагали свои задания.

Самбер таил надежду увидеть что-то новенькое, но одернул себя сразу после того, как увидел спины отжимающихся парней. После, до его слуха донеслись унижительные попытки цитирования Шекспира, ещё несколько человек устроили спарринг. Нелепый фарс.

К сожалению, женщины не эволюционировали. До их крохотного мозга не доходило, что созданный образ идеального самца, никогда не будет соответствовать действительности.

Если смешать дерьмо и золото воедино, не получится золотого дерьма. Дерьмовое золото – это максимум, который может из этого выйти.

Сильный добытчик, с тяжелым взглядом, от которого сквозит сексом и опасностью, ступает по шлейфу падших к его ногам женщин, склоняет колено перед той единственной, и читает захлеб Шекспира? Серьезно?

Самбер качнул головой. Неужели кто-то действительно верит в то, что это возможно?

Между чёрным и белым есть только один полутон – серый. Маленький отрезок, когда мужчина может поиграть в ожидаемый образ. Все остальные оттенки, ничто иное как очередные женские выдумки.

Резко стало скучно и неприятно. Так себя чувствует владелец театра, во время премьеры с отвратительными актё-

рами на сцене. Сюжет хорош, освещение что надо, каждый персонаж из кожи вон лезет, а все равно хочется выйти из пустого зала и громко хлопнуть дверью. Но где-то глубоко внутри тлеет надежда, что сейчас выйдет главная героиня, и все спасет. Мэр ещё раз посмотрел на невест. Внезапно zakралось желание самому поучаствовать во всем этом. Возможно, изнутри все выглядит не так безвкусно. А возможно, именно он сможет поднять планку и показать всем, как нужно развлекаться. Как правильно декламировать чертовы стихи, как играть роль влюбленного, как хватать женщину в объятия, чтобы дух выбивало даже у присутствующих.

Он в первый раз задумался о том, что ни одна из барышень этого города до сих пор не просочилась абсолютно нагой в его дом, и не предложила ему себя. Почему?

Мистер Самбер озадаченно нахмурился. Разве он плохой приз?

Он крепче сжал стальную зажигалку и решил дать волю своему запертому зверю. Сегодня зверь был голоден, и зверь хотел на охоту.

Самбер протиснулся сквозь толпу, когда в его поле зрения попала Джес.

Пришла. Но на самом деле, маниакальное желание наказать ее в случае послушания, было не слабым.

Хотя покорность его тоже устроила. Если хочется наказать, то причину всегда можно найти, ведь так?

– Здесь Смерть себе воздвигла трон, здесь город, призрач-

ный, как сон, – прошептал он, подкрадываясь к алтарю.

Черные туфли мягко ступали по красной дорожке, а зрачки расширились, наблюдая за желаемым объектом.

За самым сладким десертом, которым он сегодня вдоволь наладомится.

О чем она думает, когда тупит взор и перебирает скудные рюши на своём подоле? Хотелось влезть в голову, намотать на палец липкие, как мед мысли. В двадцать первом веке видеть женщин в средневековых нарядах завораживающее зрелище.

Канувшая в небыль эпоха, оставила только невзрачный отголосок. Истязания, пытки, конный галоп... Крепкая сбруя, преобразовалась в хлипкие хлысты и португеи. А эти чокеры, на тонких женских шеях... В изменчивой человеческой натуре осталось желание кому-то принадлежать.

Так устроен мир – кто-то правит, а кто-то почитает и приклоняется.

Милая, сладкая, Джес...

В глазах растерянность, полная отрешенность и ощущение непричастности к празднику... Сколько она ещё продержится?

Самбер уверенно продолжил двигаться в сторону девушки. Он прикидывал, какое развитие событий его больше устроит. Люди вокруг них превратились в шумную декорацию, и потеряли резкость.

Около десятка последних шагов разделяло его до объекта

чаяний, когда лакированный ботинок замер над упавшей к его ногам алой розе.

– Цветок прекрасный подари,
Женись на мне, или умри...

Нога тяжело опустилась на упругий свежий бутон и оставила под подошвой нежные лепестки. Мэр снял очки, чтобы встретиться глазами с той, кому принадлежали эти строки.

Его серые, почти стальные глаза, выиграли короткую схватку. Девушка опустила взгляд к полу и сделала реверанс. Ее светлые длинные волосы струились волнистыми змеями по обнаженным плечам. Высокая грудь была приподнята тугим корсетом. Ее лицо не было разукрашено косметикой, а бледная кожа приковывала к себе взгляд. Она была похожа на мертвую невесту из готического мультфильма. И похоже, она сама еще не понимала куда попала.

– Ты испортил мой цветок, мистер...

Конечно, она не знала кто перед ней стоит.

– Во время торжества, жених выбирает невесту, не наоборот, – проговорил Самбер.

Его холодный взгляд, как и тон, выражали неприкрытое признание.

– Ты не производишь впечатление человека, который следует правилам.

Она с любопытством рассматривала его. Наивно и пылливо. Но Самбер знал как никто другой, что внешность бывает обманчива. Он умел делать больно и смотреть нежным

взглядом.

– Меня зовут Амели, ты уничтожил мою розу, и теперь обязан составить мне пару.

Мэр усмехнулся. Виновница его злости все так же с вызовом смотрела в его лицо. Не отводила глаз. Не боялась?

Известный факт: опустить глаза, значит признать преклонение перед противником. Отвести взгляд – значило проиграть. А здесь явно никто не хотел проигрывать.

– Я уже занят, – мистер Самбер моргнул и грубо оттолкнул от себя девушку.

Она выиграла зрительную атаку. Но он и не хотел с ней играть.

Он искоренял из своего города таких женщин. Они возвращали его в далекое прошлое. Но в данном случае, разве не это было его целью? Милой Амели ещё рано было знать об этом.

Прежняя жизнь, которая состояла из людей и машин, из шикарных женщин, крепких напитков и легких наркотиков, ему быстро наскучила. Все это было своего рода тетрисом на маленьком экране. Самбер не мог ровно сложить кубики, и когда шкала заполнилась, он не стал начинать новый уровень. Но Самбервилль был иным. Самбервилль был совершенным. Он сотворил его больше чем за семь дней, но город получился идеальным. Богу стоило поучиться у таких умелых скульпторов, как мистер Самбер.

Привлекательная, но совершенно неинтересная блондин-

ка осталась позади, когда его взгляд снова сфокусировался на Джес.

– Я выбираю тебя.

Джес невольно вздрогнула, когда услышала его голос. Он видел, как ее пальцы ещё сильнее вцепились в тяжёлое платье.

– Какое задание ты придумаешь для меня?

Ответом была тишина. Джес смотрела на его лицо, на губы, на выточенные, словно из камня скулы, мужественный подбородок и слегка нахмуренные брови.

И ей хотелось провалиться сквозь землю, черт возьми. Но по всей видимости, черт и собирался этим заняться, пока ожидал её ответа.

– Мистер Самбер, я не...

– Кайл.

От бархатного голоса запершило в горле. С такой интонацией ласкают шею ножом, убаюкивая напоследок.

– Ты можешь звать меня Кайл, – он коснулся ее онемевших пальцев, – так что насчёт задания?

– Я не думала, что ты подойдешь ко мне, я не готовилась...

Джес было неудобно. От изучающего взгляда, от горячих пальцев, от старого платья.

Она не могла понять, почему он выбрал ее? Неужели её вид настолько жалок, что даже сам господин мэр сжалился?

– Я же не зря пригласил тебя сюда, я думал, ты догадаешься...

– Мистер Самбер...

– Кайл.

На повторное исправление Джес качнула головой, будто не верила в происходящее.

– Прости, это была глупая идея, меня здесь не должно быть.

Джес засуетилась, но крепкие пальцы не отпускали ее руку.

– Моим заданием будет возможность заставить тебя думать, что твое место именно здесь, – твердо произнес он.

Джес боялась словить на себе взгляд кого-то из жителей, потому что мэр мало на кого обращал внимание, мало с кем общался. Этот случай вне сомнений вызовет кучу сплетен и станет поводом обсуждений.

– Наплевать на то, что думают они, – Самбер кивнул головой, в сторону толпы.

Но как он...? Как он узнал, о чем она думает? Неужели она настолько читаема? Неужели настолько растеряла женственность, похоронила ее в могиле мужа? Или же, мистер Самбер, само исчадия ада?

– Я вижу, как ты смотришь на них. С опаской, – пояснил он, – боишься лишнего взгляда, сплетен. Джес, мы с тобой давно не дети, и имеем право делать то, чего нам на самом деле хочется. Ты пришла сюда не потому, что хотела этого, а потому что так сказал тебе я.

– Я не могла отказать.

– Я ценю твою покорность. Но мне бы было приятней, если бы ты исполняла свои желания, а не мои. Чего тебе хочется сейчас?

Холодный стальной взгляд неотрывно следил за ней, и она не могла понять его посыл. Это не было похоже на жалость, но не было похоже на мужскую заинтересованность.

О боже. Джес одернула себя. Какая заинтересованность? Разве может он, иметь влечение к такой, как она? Разве вообще кто-нибудь может увлечься серой тенью, без всякого намека на жизнь? Джес чувствовала себя приведением, а мистера Самбера мощным медиумом, который заметил ее оболочку и призвал.

– Чего тебе хочется? – эхом снова отозвалось в ушах.

– Уйти. Я хочу отсюда уйти.

Если Самбер призвал ее душу, то пора сматывать удочки.

– Пойдем.

Мэр сильнее сжал руку Джес, настойчиво пробираясь сквозь толпу.

– Зачем? – она позволила себе задать вопрос после того, как они вышли на пустынную улицу.

Она и правда не понимала зачем он это делает. Господин мэр не был падок на побрякки. Не был падок и на женщин.

– Ты особенная. Я люблю особенных, – ответил он, – я хочу, чтобы ты научилась хоть немного получать от жизни кайф.

– Я хотела уехать из города, — решила признаться Джес.

Иногда ей казалось, что если она уедет отсюда, то ее отпустит. Отпустит боль и отчаяние.

– Почему же не уехала? – поинтересовался он.

– Я... – она поежилась, потому что его холодная рука доставляла дискомфорт.

Они так долго держались за руки, но он так и не заразился ее теплом.

– Я не хочу оставлять его здесь. Одного. Его могила порастет травой и затеряется. Я не могу себе этого позволить.

– Джес, – Самбер резко остановился, – трупы не умеют любить. Не умеют жалеть. Все, что у тебя осталось от него – оно здесь, – он коснулся пальцем ее виска, – ты можешь увезти воспоминания с собой куда угодно. Но это пустой разговор, потому что я тебя никуда не отпущу. Ты нужна нашему городу.

– Вместо меня наливать пиво может кто угодно, – улыбнулась она, – я люблю Самбервилль и ненавижу одновременно.

– Я бы пошутил в ответ, но боюсь, что мой юмор покажется тебе немного висельным.

Джес поджала губы, потому что не знала, как реагировать. Она шла по пустому городу за руку с мужчиной и говорила о своем бывшем, если ему вообще подходило это слово. Джес не принимала решения расстаться с ним, не делал такого выбора и он. Но какое другое слово можно подобрать к человеку, с которым оборвалось будущее?

– Иногда мне кажется, что я вижу его.

Она не понимала зачем рассказывает это, но хотелось высказаться, пусть даже после этого её примут за сумасшедшую, отвернутся, и снова надолго лишат соблазна болтать лишнее.

– Я вижу его в нашем баре, вижу на автобусной остановке, когда возвращаюсь домой, вижу в очереди магазина, на обратной стороне улицы...

Джес замолчала. Ее спутник тоже молчал, и внимательно слушал. Никакой насмешки не отобразилось на безупречном сосредоточенном лице.

– Мне кажется, что он вернулся, – продолжила она, – что все, что произошло просто ошибка, и теперь он здесь и ждет меня...

– А дальше?

– Я подхожу к нему, и он исчезает, – договорила Джес, а глаза стало щипать от наворачивающихся слез.

– Я понимаю, о чем ты говоришь, Джес, – произнес Самбер.

Она растерянно посмотрела на Кайла, когда он стал напротив нее.

– Гештальты нужно своевременно закрывать, только это может дать гарантию психическому здоровью.

Джес растерянно посмотрела на своего спутника, который стоял так близко, что она отчетливо слышала запах его парфюма. Потрескивающие огоньки в его глазах гипнотизировали, не позволяли отвлекаться на что-то другое. Брали

под контроль тело, задавая только им известное направление. Джес чувствовала себя куклой с часовым механизмом, и ей очень хотелось, чтобы пальцы, которые поглаживали ее кожу, завели ключ.

– Я попробую объяснить проще. Возьмём в пример твою работу. Ты обращала внимание на то, как прекрасно помнишь открытые заказы, и в один миг забываешь о них, когда закрываешь?

Джес неуверенно кивнула, но не понимала, к чему он клонит.

– По такому же принципу работают наши потребности или инстинкты. Когда мы чувствуем жажду, то начинаем искать воду. Выпиваем её, забываем о жажде, завершая процесс. Незавершенные процессы мы помним лучше, необходимо все своевременно доводить до логического конца. Открытые гештальты помимо твоей воли, будут возвращать тебя в прошлое, заставляя «переиграть» все. Сознание будет играть с тобой в игры, рисовать образы, которых не существует. И все это по одной простой причине – ты не отпустила. Не закрыла дверь туда, куда должна была. Поверь, я знаю, о чем говорю, это легко и сложно одновременно.

– Но я осознала, – совсем тихо произнесла Джес. Она начинала мучиться от напряжения, которое возникло от такого близкого контакта. Ей хотелось, чтобы он либо прижал её к себе, либо оттолкнул. Ей хотелось понимать, чего он хочет.

Самбер еще раз внимательно посмотрел на нее, и опустил

их руки, продолжая путь.

– Невозможно осознанно ждать встречи с человеком, который мертв, – сухо проговорил он.

Он опять спрятался за очками, тем самым скрывая свои эмоции.

– Мы давали Богу клятву всегда быть вместе.

– Читала заранее заготовленную клятву, клала руку на библию? – Самбер не сдержал распирающий его легкие смех.

– Я не вижу в этом ничего смешного. Или ты не веришь в Бога?

– Я признаю только тихуанскую библию, Джес. В ней хотя-бы есть смысл.

– Но вы ведь тоже венчались!

Джес не смогла удержать язык за зубами, и внутренне сжалась, когда поняла, что только что сказала. Какой черт вообще дернул её за язык? Повисшее молчание было тяжелее плотного тумана.

Она не знала о достоверности этой истории наверняка, не факт, что это вообще было. Города имеют тенденцию выстраивать свою собственную историю, обзаводиться мифами, красивыми легендами, или пугающими мистическими историями. Это придает городу жизнь, обволакивает его необходимым шармом. Но не даёт никакого права спрашивать об этом в лоб у одного из персонажей той самой истории.

Те, кто строили Самбервилль, любили пошептаться о том,

что, когда на прежнем процветающем месте были равнины и горы строительного материала, вечером приехал черный джип. Машина остановилась у единственного существующего, но требующего срочной реставрации здания городской церкви.

И вышел из машины никто иной, как мистер Самбер, и не один! Вторая дверь распахнулась, и на захлавленную землю ступила нога девушки в подвенечном платье.

– Да у нас даже электричества еще не было, – бормотал подвыпивший завсегда́тай бара, который подпер рукой голову.

– А в церкви столько свечей зажгли, что мы первым делом подумали пожар что—ли...

Джес тогда тоже не смогла сдержать любопытства. Оставила натертый до блеска стакан, и придвинулась ближе.

– Я говорю тебе, Самбер это был, – грубо пресе́к возникший скептицизм мужчина. – И баба его, красивая, платье белоснежное, длинное. И священник их встретил. Обвенчал, и уехали они.

Рассказчик бросил мутный взгляд в пустую кружку, и разочарованно вздохнул.

– Ну а дальше что было? – не выдержала молоденькая девушка, случайно примкнувшая к беседе.

– А что дальше? Город достроили, а наш мэ́р и без жены, и без кольца. Куда она исчезла – один Бог знает.

– Тьфу ты, – выругался другой мужчина, ожидающий более интересной развязки. – Да разбежались и нечего тут выдумывать.

– Может и так, – не стал спорить он, – только бабы болтают, не убил ли он невесту свою?

Разочарованная толпа, поспешила снова рассредоточиться обратно по своим столикам, а Джес не могла полностью сосредоточиться на своей работе. Вся история казалась ей до ужаса странной.

И сейчас с насмешкой над священным писанием, Самбер сам выволок этот вопрос наружу. Воспоминания уже успели притупиться, а тишина не кончалась.

Джес уже собралась извиниться, но Кайл заговорил.

– Никакие клятвы не помогут задержать здесь человека, если он должен умереть.

– Прими мои... – Джес словно обдало ледяной водой, когда смысл сказанного проник в её сознание.

– Не принимаю, потому что не верю в сочувствие. Не верю в библию, священников и Бога. В нательные кресты, идолов и молитвы. Я надеюсь, ты согласишься с тем, что на это имеет право Демиург. Видишь это кольцо?

Взгляд Джес скользнул на их переплетенные руки, которые приподнял Самбер.

Его средний палец украшал массивный серебристый перстень. Толстые линии переплетались между собой, создава-

ли подобие узлов и замыкались в центре вокруг большого чёрного камня. Идеально гладкого и ровного.

– Это подарок, – продолжил Кайл. – Тот, кто мне его подарил, считал, что обсидиан, олицетворяет опаленные крылья ангела, который спасал людей, падающих в Преисподнюю. В его мире было место для подобных историй, в моем же мире, такого места нет, но это не мешает мне носить его, понимаешь?

Угольные глаза мужчины снова оказались без очков, и внимательный взгляд нежно скользнул по лицу девушки.

– Именно поэтому я могу входить в любую церковь, говорить, что пожелаю, и чувствовать себя прекрасно. Это всего лишь камень, а это —, – Кайл указал рукой в сторону протыкающего небо шпиля, – всего лишь здание, в котором неприятно пахнет воском.

– Вы не верите в Бога, в силу святой воды, но охотно и с воодушевлением рассказываете о нечисти. В нее вы верите?

– Джес, Бог если и есть, то он – нерадивая мать, которая отказалась от своих детей, скинув в мусорный бак. В этой помойке и живет человечество. А Бог? Возможно, он творит где-то что-то более возвышенное и идеальное. Возможно, мы – это его ошибка. Блин, который комом. Он открестился от нас, и ему нет никакого дела к нам. А демоны, если ты об этом, – Самбер вскользь улыбнулся, – они внутри каждого. Это наша начинка. В них я верю, потому что я их чувствую.

– Монсеньор говорит, что наша душа...

– Поменьше ходи и слушай сказки этого шута. Хотя нет. Я не хочу, чтобы ты теряла веру и все такое. Просто не принимай все так близко к сердцу. Душа – этот тот самый демон, который диктует тебе, что делать. И ты знаешь...

Он остановился и Джес поняла, что они пришли. Мистер мэр говорил, и его было интересно слушать. Как что-то страшно запредельное, неизведанное, но ужасно интересное.

– Мой демон магнитом тянет меня к тебе.

Он коснулся рукой ее щеки, и она почувствовала вселенский холод. Разве так должно быть? Где нежность, ласка и прочее?

– Мне пора, – она растерянно посмотрела на свою дверь, за которой ей поскорее хотелось спрятаться от пытливого взгляда, который загнал ее в угол.

Сперва умело и ловко загнал, а после, смертельно прижал. Причем, она не понимала, какой он несет посыл.

– Я хочу, чтобы ты проснулась, Джес. Очнулась от долгого сна.

– Если бы все было так просто.

– Хватит придумывать себе несуществующие болезни и притворяться мечтой психиатра. Спящая красавица внутри тебя может никогда не дожждаться принца в обтягивающих лосинах. А если он и появится, то не станет целовать твои румяные щеки, чтобы добиться пробуждения. Джес, он возьмет тебя, пока ты находишься в этом состоянии, и сдела-

ет это самыми изощренными способами. Проснись сейчас и этого не случится, я обещаю.

– И у моей сказки будет хороший конец? – она сделала шаг назад, когда Самбер наклонился в ее сторону. Очень близко и очень опасно.

– Однозначно.

Он выпрямился и стал выше на целую голову.

– Спасибо за прогулку. До свидания.

Джес аккуратно освободила свою руку из его ладоней.

Дверь была в нескольких шагах, но она не уходила. И они оба знали почему: она ждала. Ждала позволения. Он должен был позволить ей уйти.

– Спокойной ночи, Спящая Красавица.

Мэр снисходительно кивнул и ноги Джес наконец-то смогли отнести ее в укрытие. Хотя, разве можно было где-то от него спрятаться?

Джес была уверена, что Самбер имел ключи от всех дверей в этом городе.

Еще одна городская байка, которая ходила среди любителей выпить лишнего. Когда кондиция была успешно достигнута, эта тема всегда обретала новые подробности.

И доверчивая Джес охотно в них верила.

Так или иначе, мистер Самбер занял ее мысли на вечер, и как она не одергивала себя, выгнать его из головы не получалось. Внимание всегда приятно, а внимание такого мужчины, приятно втройне.

Между походом в душ и глажкой белья, она пару раз задумывалась о том, нравится ли он ей. И ответ был положительным. Даже проскользнула досада из-за того, что она так и не позволила ему поцеловать себя.

Едва слышный стук в дверь неосознанно вызвал настоящий озноб.

Позднее время – не самое удачное для визитов. Да и кто мог к ней прийти? Тот самый случай, когда от стука в дверь кровь стынет в венах. Потому что ты никого не ждешь... У нее не было ни друзей, ни подруг, ни...

«Мистер Самбер» – тут же отозвался внутренний голос и стало еще больше не по себе.

Не испытывая свою глупую интуицию, которая всегда с треском проваливала все задания, Джес все-таки пошла к двери.

– Привет, – молодой парень, которого она часто видела у себя в баре, стоял на ее пороге.

Она всегда удивлялась: зачем городу нужен доставщик цветов? У него никогда не было работы, и он просиживал рабочие штаны в баре поглядывая футбол и поедая горячие бургеры.

За что мэр платил ему, было не понятно никому. Доставка в Самбервилле была бесполезным и не востребованным делом.

– Это тебе.

В ее руки попал огромный букет цветов и это заставило

удивиться еще больше. Они были странными. Не похожие ни на один знакомый ей цветок, бледно-фиолетовые, а мелкие соцветия, хаотично рассыпались по стеблю.

– Что это? – с полным недоумением спросила она.

Джес не понимала зачем он их принес. Они никогда толком не общались, она даже не знала, как его зовут.

– Нет, это не от меня, – поспешил успокоить ее доставщик, – это от мэра. Только я тебе ничего не говорил, а то мало ли.

Он вручил обескураженной Джес цветы и спустя секунду, добавил:

– Я бы на твоём месте, их выкинул. Они воняют.

Он поплелся прочь от ее дома, на ходу одевая наушники. А она так и осталась стоять, с колючим букетом в руках.

все это было похоже на насмешку. Чем больше она рассматривала цветы, тем меньше они ей нравились.

Джес захлопнула дверь и бросила букет на столик. Из него выпал конверт. Возможно, внутри она найдет все ответы, которые разом атаковали на ночь ее голову.

«Милая Джес, я уверен, что ты и не ждала розы. Розы любят дамы с дурным вкусом. Я предлагаю тебе что-то более дикое и необычное. Тебе понравится их запах, стоит только привыкнуть. Я сорвал их в своем саду и надеюсь, что не зря. Поставь их у себя в спальне, и я уверен, твои сны будут сладкими. Кайл».

Голос мэра, низкий и хриловатый стоял у нее в голове,

и Джес казалось, что он совсем рядом и шепчет на ухо свое послание.

Довольно. Это начинало пугать. Что-то маниакальное появилось в ее желаниях, когда она вспоминала Самбера.

Кайл... Кто в городе звал его по имени? Джес общалась со многими людьми, но иначе как «мэр» и «Самбер», его никто не величал. А ей он позволил. Приблизился на один шаг.

Она пошла на противность и оставила букет на кухне. Со всем не обязательно выполнять приказ тогда, когда никто не узнает выполнен ли он.

Джес захлопнула дверь в спальню и легла под толстое одеяло. Сумасшедший день подошел к концу и грех было не выспаться хорошенько.

Но сон почему-то не шел. Пару раз перевернувшись с одного бока на другой, она не выдержала и босыми ногами ступила на холодный пол.

Цветы все так же одиноко лежали на столе. Джес набрала в вазу воду и исполнила просьбу мэра.

Идиотская теория о том, что Самбер действительно может прийти и проверить выполнила ли она написанные им слова, прочно засела в голове.

Исполнила. Что он там обещал? Сладкие сны?

Джес зевнула и сон действительно стал подступать. Вот уж правда, сумасшедший день и мэр...

Джес погрузилась в сон и еще раз подумала о нем. В сотый раз.

Что-то холодное настойчиво касалось ее тела, пока она пыталась разлепить свинцовые веки. По ощущению, с тех пор как она уснула, прошло не больше часа.

– Тихо, спящая красавица, – шепотом произнес знакомый голос, и Джес с ужасом поняла, кому он принадлежит.

Кайл, мистер Самбер, господин мэр – все-таки имел ключ от ее дома. Эта мысль пронзила ее мозг, как и та, что его пальцы трогают ее. Запредельно настойчиво он изучал ее тело, и не обращал внимания на ее протесты.

– Любишь спать без нижнего белья?

Джес хотела прекратить все, хотела даже закричать, но не могла. Сладкий плен повязал ей руки, закрыл глаза, зашил рот, и только стон срывался с ее губ. Сколько лет ее не касался мужчина? Сколько лет она отрицала всякую потребность в этом? И что теперь?

– Ты хочешь меня, Джес? – его пальцы опустились ниже, и она прогнулась от его касаний.

Она еще не оправилась полностью ото сна, не могла прийти в себя, не могла оттолкнуть и прогнать. Не могла или не хотела? Это разные вещи. Совершенно разные.

– Я же намекал, что так и будет, – холодные пальцы блуждали по разгоряченному телу и Джес была уверена, что он был доволен производимым эффектом.

Ночной гость, делал свое дело и совершенно не подчинялся протестам, которые выдвигало ее тело.

– Я касаюсь тебя, но ты не отвечаешь мне. В чем дело?

Джес слышала в голосе некую растерянность или злость. Осуждение или отвращение. Ей и самой стало не по себе от того, насколько она очерствела и снаружи, и внутри. Будто камень, который даже вода не в силах сточить. Стало страшно, что он уйдет. Не хотелось этого допускать.

Джес обмякла под его ласками и откинула голову назад. Это было приятно. Старые ощущения стали потихоньку прокрадываться в нее, а Самбер неплохо справлялся с ролью грязного искусителя.

Свет пробивающейся в окно луны осыпал тело серебристыми бликами, оторвал его от земли и унес за пределы Вселенной.

Такие способности не приобретаются, этому учатся, оттачивают навык, вырисовывают на теле схемы чувствительных зон, коротких дорожек к экстазу.

Мощному

до потери сознания, до истощающего обморока, когда разрушается прежний шаткий контроль, и выключает разум, когда становится слишком.

Слишком грубо.

Слишком точно.

Слишком так как надо, безошибочно и верно.

– Я хочу, чтобы ты вспомнила...

Джес резко открыла глаза, сердце в её груди билось с такой силой, что разгоняемая кровь шумела в ушах и отбива-

лась тошнотворным пульсом в горле. Она поджала ноги и осмотрелась по сторонам. Тело неприятно обволокло липким страхом.

Вчерашнее платье валялось на полу, сбившаяся у ног простынь зияла прорехами. Стало жутко. Память казалась шершавой, изъеденной кратерами и провалами.

Может он ещё здесь? Где-то в доме, который перестал быть безопасным? Что проделывал с её телом, когда мозг отключился? Как вообще можно было позволить подобное, да и спрашивал ли её кто-то?

Джес осторожно встала с кровати, взяла свой халат. Открыла дверь крохотной спальни и прислушалась к дыханию дома.

На кухне мерно капал кран, жужжал старенький холодильник, тикали часы в темной прихожей.

«Давно пора было заменить там лампочку», – отругала себя Джес.

Из приоткрытого окна доносились детские голоса, звенел велосипедный звонок.

Больше ничего лишнего. Никаких звуков. Джес сделала очередной шаг к входной двери и проверила замок.

Заперто.

Но какое это теперь имеет значение, если для того, кто уже пробрался к ней, это не преграда? Собрать все вещи и уехать? Имеющихся денег должно хватить, чтобы устроиться где-то на первое время. Ощущение того, что скрыться здесь

больше не удастся, мерзко щекотало нервы.

Она предала мужа, предала их любовь, опорочила все слова, которые посвящала ему, когда он ещё мог слышать. Джес чувствовала себя дешёвкой, второсортным сырьем, двуличной тварью падкой на соблазн.

Хотелось отмыться изнутри, прополоскать пришедшую в негодность душу. Злость, которая расцветала внутри, перетянула ситуацию на себя. Спутала мысли и заставила посмотреть на ситуацию под другим углом.

Было ли бегство выходом? Джес не была уверена в том, что найдет в себе силы оставить своего мужа в одиночестве.

Воздух шумно вышел из легких, когда она опустилась на прохладный пол. Стальная клеть не выдержала шквала эмоций и с лязгающим звуком, рухнула вниз. Здесь было все: боль утраты, разрушенная любовь, неразделённые чувства, отвращение к самой себе, уныние, похоть, страсть, разочарование, боль и ненависть.

Джес закричала, выпуская наружу то, что так долго сидело внутри. Стало легче.

Вернулась давно утраченная решимость, которая придавала сил.

Она зашла в спальню, и открыла ящик комода. Первые попавшиеся под руку вещи и уверенность были ее набором на сегодняшний день. Она уже знала куда направится.

Особняк мистера Самбера находился в самом конце горо-

да, но виден был абсолютно с любой точки, благодаря местному ландшафту.

Утренние туманы скрывали его от посторонних глаз, и только в ясную погоду сквозь густую растительность, можно было рассмотреть очертания дома, в котором жил мэр.

Джес ещё никогда не видела его так близко. Она вообще не помнила, когда последний раз видела что-то кроме запрограммированного маршрута: бар-супермаркет-дом. Здание возвышалось над ней, а масштабы поражали, захватывая дух. Абсолютная симметричность, превращала особняк во что-то нереальное. Хотелось искать изъяны, взгляд сам блуждал в поисках любой неточности в постройке. По шероховатым стенам цвета мокрого асфальта, по арочным окнам, которые напоминали раскрытые львиные пасти, по выставленным колоннам, кованному забору, состоящему из тонких острых прутьев.

Ворота находились в центре, сквозь них просматривался и главный вход. Стык в стык. Идеальная среда для обитания перфекциониста.

На изящных литых воротах располагался вполне себе современный звонок, куда и потянулся палец Джес. Раздался приглушенный треск из динамика, мигнула красной лампой небольшая камера. Она чувствовала, что на нее смотрят, решают, оценивают стоит ли впускать.

Когда дверь почти беззвучно отворилась, Джес потеряла вспотевшие ладони о светлые джинсы, и напряженно приня-

лась кусать губу. Она нерешительно ступила на чужую территорию. Страх, который присутствовал до этого, усилился.

Она ступала по черной тротуарной плитке, считала квадратики и пыталась успокоиться. Окинула взглядом огромный фонтан с высокой чашей, оценила роскошный сад. Недалеко виднелся живописный пруд и несколько беседок. Это здание можно было назвать замком, а возможно это и был замок, Джес никогда особо не разбиралась в архитектуре.

Щелчок замка, заставил ее вздрогнуть и обернуться на звук. Сразу появилось ощущение, что она проникла сюда незаконно и её совсем скоро будет ждать расплата.

Из дома вышел мэр. Неспешно он приближался к Джес. Что-то выбивалось, выскакивало из привычного ряда, он выглядел... иначе.

На мистере Самбере не было привычного чёрного костюма, его светлые волосы не были идеально уложены. Взгляд Джес не столкнулся с носками налакированных туфель.

Влажная голубая майка липла к высеченному, как из мрамора торсу. Она повторяла рельеф каждого мускула, подчеркивала фактуру. Черные спортивные штаны прятали мощные ноги, и кое-что еще, о чем Джес не хотела думать, но не могла ничего с собой поделаться.

– Я занимался в зале и не ждал гостей, – он заговорил первым.

Джес встретила с ним взглядом и лучше бы этого не де-

лала.

Вся ее решимость предательски поджала хвост, забиваясь в темный угол, а на ее место неожиданно пришла беззащитность.

Джес чувствовала опасность и окончательно убедилась в том, что прийти сюда было ошибкой.

Кайл рассматривал ее, тёмные глаза блуждали по лицу, пару раз скользнули по телу, и во взгляде появилось нетерпение.

И тут Джес взорвалась. Возмущение от того, что он ведет себя так надменно наполнило ее силой.

– Не нужно так на меня смотреть! – выкрикнула она.

– Как так, Джес?

– То, что произошло вчера не дает тебе право так меня смотреть!

– Что произошло вчера?

Что-то разозлило малышку, а в этом образе она нравилась ему ещё больше.

– Это противоречит закону! Нельзя среди ночи пробираться в чужие дома!

Джес понимала, что несет откровенную чушь, но произнести вслух то, что возмущало её больше всего, она просто не могла, потому что только сейчас поняла всю нелепость своих обвинений.

«Мистер Самбер, не врывайтесь больше ночью в мой дом, потому что всякий раз, когда вы окажетесь в моей постели,

я не смогу вам отказать?».

– Ты обвиняешь меня в том, чего я не делал.

Это распалило Джес еще больше. То, что произошло между ними, имело для нее огромное значение. А для него, – нет. Это задевало. Гораздо больше, чем его выходка. Она прикрыла глаза от подступившей обиды. Может быть, она не первая и далеко не последняя, к кому он вот так врывается без приглашения. Маньяк. Чертов извращенец. Она всегда находила мэра странным, нутро шептало держаться подальше и вот во что это вылилось.

– Я прислал тебе вчера цветы. Это является поводом для столь раннего и не особо приятного визита?

– При чем здесь цветы?! – вскрикнула она, не в силах произнести ту самую причину вслух.

Да и зачем это говорить? Он и сам прекрасно знает, зачем она здесь. Или станет отнекиваться? Приплетет лунатизм? Что он придумает в свое оправдание, если его вообще можно было придумать?

– Послушай, Джес. У меня нет привычки посещать горожан после захода солнца. Я не имею ключей от ваших домов, хватит слушать ерунду, которую несут в баре. И тем более, хватит в нее верить, – он подошел за пределами близко, и вся ее решительность окончательно испарилась.

– Ты знаешь про ключи?

– Я знаю все, что обо мне болтают.

– Но... Почему ты не опровергнешь эти слухи и грязные

сплетни?

– Зачем? Уважение и страх, довольно неплохой тандем, – пожал плечами Самбер, – я люблю интересные истории. И когда вокруг моей персоны создаются весьма недурные рассказы, то мне это даже нравится. Я словно книжный герой хоррора неизвестного писателя с богатой фантазией. Проникаю в чужие дома, страдаю бессонницей и раздвоением личности. Список очень длинный, уверен, ты знаешь его не хуже меня. Но ты ведь пришла не за этим.

Кайл развернулся в сторону дома, и Джес остолбенела, от такого поворота событий.

– Я не хочу, чтобы это еще раз повторилось. Это было ошибкой, – крикнула она ему в спину, – я против, когда кто-то пользуется мной. Даже если это ты.

Самбер на секунду остановился, а после, развернулся снова в ее сторону. Встретился с ней глазами. На сей раз, малышка была очень отважной и даже не опустила вниз свои длинные ресницы.

– То есть, я не просто пришел к тебе ночью и открыл входную дверь своим ключом, но и переспал с тобой?

Лицо Самбера было очень серьезным. Вся прежняя лень и безмятежность исчезли, а черты заострились. Он был похож на хищника перед решающим прыжком. Сейчас он либо сожрет свою жертву, либо промахнется, не рассчитав силу.

– Не совсем...

Расстояние, которое было между ними, стало стремитель-

но сокращаться. Несколько шагов и мистер Самбер снова близко. Так близко, что она чувствовала его горячее дыхание.

– Не совсем? Джес, расскажи подробности, мне не терпится, – он прикоснулся руками к ее плечам, все-такими же ледяными и цепкими.

– Какие подробности, ты издеваешься?

Она попыталась избавиться от его рук, но он крепко держал ее. Впечатывал свои худые пальцы в ее нежную кожу.

Удовольствие пронеслось по его телу, когда он почувствовал, что ей больно.

То, чего так давно хотелось. То, что он видел, когда фантазировал, то, что не отпускало.

– Мы – это наши желания. Они владеют нами и руководят. Ты видела меня ночью, и возможно даже чувствовала, но я не приходил к тебе, Джес. Не все истории, которые ты слышала обо мне— сказки. Посмотри.

Он отцепил свои пальцы от ее плеч, перемещая их на запястья. Хватая их сильнее чем сталь. Грубые наручники из ледяной кожи.

– У тебя нет следов на теле. А я привык пометать своих женщин. Осознанно или нет – неважно. Я не отвечу, потому что сам не знаю, почему это происходит.

Его голос отдавался эхом и Джес, не слышала слов. От того что произошедшее было сном, кидало то в жар, то в холод, то в полный шок, то в безумный стыд. Хотелось провалиться

сквозь землю, бежать без оглядки, уехать из города, потому что она больше не сможет жить с этим позором. Пришла и обвинила мэра, в том, что он ею воспользовался. Продемонстрировала ему свою женскую неудовлетворенность, обозвала извращенцем. У нее не оставалось никаких сомнений в том, что это действительно был яркий, красочный сон. Патологически нездоровый пугающий, на грани реальности. О боже...

– Я не приходил вчера, потому что никогда не совершаю опрометчивых поступков, – Самбер разжал руки и отпустил ее, – а теперь иди. Скоро служба. Тебе лучше не пропускать ее. Монсеньор очень ладно рассказывает о грехах. Когда сознание все более и более наполняется картинками сладострастия, грязными, жгучими и соблазнительными – это греховное пристрастие, Джес.

Неожиданно, полученная информация пробудила в голове единственное желание – провалиться сквозь землю. Сможет ли она хоть ещё раз попасться на глаза мэру?

Исключено.

Стыд сковал каждую клеточку тела, его пытливый взгляд все сильнее подогревал котёл, в который она сама же себя и засунула.

Мистер Самбер что-то говорил об исповеди?

Джес не нашла в себе силы попроситься, и развернулась к выходу. Она уже видела перед собой ворота в обрамлении тонких прутьев, а ее рука вцепилась в ручку. Пара шагов к

свободе.

Ей даже удалось вдохнуть полной грудью воздух, когда на ее пути снова возникло препятствие. Она не удержалась и затравленно обернулась на хозяина дома.

На его пороге стояла шикарная девушка, которой Джес не годилась в подметки. Как она вообще могла представить, что он соизволил навеститься к ней?

Она опустила глаза, и протиснулась между девушкой и входом.

Джес медленно ступала по пустынной улице в сторону храма. Опавшие листья давно засохли и хрустели под подошвой. Справиться со своим страхом, ей так и не удалось. Она не смогла прийти на исповедь тогда, когда была вероятность встретиться с кем-то еще кроме монсеньора.

Ей казалось, что все начнут тыкать в нее пальцем и перешептываться, а вслед будут доноситься слова об измене и предательстве.

Людям в этом городе было скучно, и обсудить кого-то, было весьма милым делом. Джес знала это не понаслышке.

Не только женщины, но и мужчины распускали слухи. Охотно сплетничали и промывали кости соседям за очередной кружкой пенного. Джес никогда не участвовала в этом.

Но сейчас она нуждалась в исповеди. Новый грех висел камнем на шее и тащил ее ко дну. Ей казалось, что еще немного и она захлебнется. Захлебнется своими чувствами, которые прорвали прочную плотину, и снесли на своём пути

все рамки приличия.

Кованная высокая изгородь с острыми пиками протяжно закрипела, когда она вошла во двор церкви. Пустота и тишина успокаивали Джес. Значит, все разошлись. Еще одно интересное дельце: после того, как служба заканчивалась и каждый искренне раскаявшись покидал порог святого здания, неведомая сила подмывала вновь нагрешить. Очищение длилось несколько минут, а у стойки бара, в котором работала Джес, наступала стадия запустения. Грубые словечки, алкоголь, непристойные предложения и злость – лились из ртов рекой, наполняя чернотой душу.

Джес ощутила приятную прохладу, когда ее пальцы опустились в чашу с агиасмой. Вот уж действительно не зря говорят, что вода, которая прошла освящение, имеет особую силу. Страх и волнение отступили, а на смену им пришла легкость.

Джес вошла в храм полная решимости. И если раньше слова для исповеди не складывались в предложения, то сейчас все было по-другому.

Только одинокая фигура, которая сидела на одной из дальних скамеек, заставила ее замедлить шаг. Черные волосы были заплетены в аккуратные толстые косы, хрупкая спина немного сутулилась и не касалась спинки скамьи. Было непонятно: молится ли незнакомка?

Из любопытства Джес заглянула в ее бледное лицо, хотя прекрасно знала, что в храме неприлично разглядывать. Но

она видела эту девушку впервые, и это заставило поддаться очередному соблазну.

Глаза незнакомки были то ли закрыты, то ли опущены вниз. Круглый вырез на черном платье открывал вид на ключицы, которые сильно выделялись на мертвенно-бледной коже.

– Джес, – голос монсеньора заставил ее прекратить наблюдение.

Одновременно встрепенулась и неизвестная гостя. Ее поистине черные глаза, словно две огромные черные дыры, с испугом уставились на Джес, а потом на священника. На нем она слегка задержала взгляд, а после снова опустила угольные ресницы.

– Я пришла исповедаться, – неохотно произнесла Джес, – идите первая, я подожду, – обратилась она к хрупкой незнакомке.

Не хотелось это делать при свидетелях.

– Что? Нет, – девушка отчаянно замотала головой, и ее косички пришли в движение, – извините, я просто задумалась, я...

Она поднялась со скамьи и Джес смогла полностью оценить ее.

Ее черное платье не было траурным, и скорее всего, оно не видело ни одних похорон. Свободный крой слегка прикрывал колени, и Джес показалось, что это, наверное, единственное приличное платье в котором можно было прийти

в храм. Такие не продавали в этом городе. Такие в Самбервилле не носили.

Джес проводила девушку взглядом, оценила ее длинные ровные ноги, когда она зашагала к выходу, словно по подиуму.

«Идеальная кандидатура в жены мистера Самбера», – пришла в голову мысль и ударила уколom ревности в самое сердце.

– Тебя не было на службе, что-то случилось? – поинтересовался монсеньор.

– Кто это? – кивнула в сторону выхода Джес.

Странная незнакомка не шла из головы.

– Я не знаю, – пожал плечами святой отец, – она пришла сюда, когда все уже разошлись. Я не решился к ней подойти, мне кажется она хотела побыть наедине с Богом. Без посредников.

– Очень странно что есть люди, которые приезжают сюда по своей воле, – ухмыльнулась Джес, но тут же поймала на себе осуждающий взгляд, – прошу прощения.

– Не место делает нас, мы вселяем в него душу, – Кристиан взял ее руку в свою ладонь, – это могло случиться где угодно. Не город отнял у тебя его. Так было угодно Богу.

– Богу угодно наблюдать за моими мучениями. Чтобы я проклинала все, что меня окружает. Каждый камень под ногами.

– Ты должна отпустить его. Я уверен, он хочет, чтобы ты

была счастлива здесь. Он ждет пока ты проживешь долгую, счастливую жизнь, и в глубокой старости покинешь свое тело. А там, вы будете вместе.

– Так может не стоит ждать? Может все ускорить?

– Что ты такое говоришь? – взгляд молодого монсеньора стал серьезным, – ты сама знаешь, что самоубийство – страшный грех, которому нет прощения. Бог вдохнул в тебя жизнь – это самое дорогое что у тебя есть. Ты обязана переступить через все испытания, преодолевать их и идти дальше. До победного конца. Пока Господь сам не позовет тебя к себе.

– Я согрешила. Вы знаете, что я носила траур, не только внешне, но и сердцем. Оно затянулось в черные шелка, обливаясь слезами. Я молилась о том, чтобы ему там было хорошо. Ставила свечи каждую неделю и заказывала мессу.

– Джес, мне не в чем тебя упрекнуть, кроме того, что твой траур затянулся. Ты должна жить дальше. Заполни свое сердце иными чувствами.

– Об этом я и хотела поговорить. Мне нужно покаяться. Мой грех ужасен, святой отец.

Джес опустила взгляд. Стыд подступил комом к горлу и не давал высказаться.

– Я изменила ему, – шепотом произнесла она, и слезы потоком хлынули из глаз, – я предатель. Мне нет прощения. Наложите на меня епитимий, прошу.

– Джес, послушай меня.

Монсеньор приобнял ее и тут же пожалел о том, что начал исповедь не в стенах конфессионала. Там все было по-другому. Там, он чувствовал себя отцом церкви и слугой Господа.

А здесь, он ощущал себя простым смертным, которому не чужды ни чужая скорбь, ни раскаянье.

– Твоя жизнь продолжается, ты молодая девушка, у которой есть желания. Как и у всех людей на земле. Скажи мне, ты встретила того, с кем готова быть до конца своих дней?

– Я не смогла справиться со своей похотью. Она завладела мною, а я не смогла воспротивиться. Мне так стыдно.

Джес громко всхлипнула и ее возглас раздался эхом по храму.

– Мы с тобой беседовали неделю назад. Все было иначе, – монсеньор воспроизвел в памяти их прошлый разговор.

Тогда он говорил с Джес, которая наложила на себя пожизненную печать вдовы. Ее мысли были только о работе и об усопшем муже. Ему было жаль девушку, и каждый раз он пытался вселить в нее веру в будущее. В светлое, счастливое будущее.

– Он вдохнул в меня что-то неизвестное. Я не знаю этих чувств. Но я понимаю, что это неправильно. Так нельзя. Я боюсь его с невероятной силой, но и хочу его не меньше. Он заполнил все свободное пространство вокруг меня, вселился в мысли, и кажется, я влюбилась.

– Любовь – прекрасное чувство. И отнюдь не является грехом, Джес, – улыбнулся монсеньор, – я рад, что скорбь

отступила. Этот мужчина, он знает о твоих чувствах?

– Нет. Я никогда не смогу произнести это вслух. Он... Он...

– Откройся ему. Если ты выговоришься, тебе станет легче. Сколько ты будешь давить в себе то, чем должен быть наполнен человек до остатка? Твое признание не грех, и не нужно говорить об этом, как о чем-то постыдном.

– Наверное, вы правы, – Джес вытерла слезы, – я расскажу мистеру Самберу о своих чувствах, потому что не смогу иначе.

– Что? При чем здесь господин мэр?

– Вчера он имел неосторожность проявить ко мне жалость, или Бог знает, что еще. И я поняла, как давно он мне нравится. Я всегда открещивалась от этого, считала полным абсурдом, выталкивала подобные мысли из своей головы. Но вчера произошло непоправимое. Старые часы долго стояли и показывали одно и то же время. Время смерти моего мужа. А вчера, они пошли. Мистер Самбер опытный часовщик, настоящий мастер, снова привел их в ход.

– Джес, подожди, ты..., – монсеньор потер пальцами переносицу, пытаясь уговорить свое повышенное сердцебиение, – ты же знаешь мэра. Знаешь, что его душа далека от Бога. И что...

– Он построил этот город, собрал здесь самых несчастных и одиноких. Никому не было до нас дела. Кроме него. Он воздвиг этот храм, пусть и не верил в Бога. Он дал всем ра-

боту. Так можно ли говорить, правильно ли говорить о том, что его душа хуже моей или чьей-либо еще?

Он единственный, кто обратил на меня внимание. Хотел помочь. Это было искренне. Это было так, как он умеет.

– Послушай, – святой отец сжал ее плечи в попытке вывести из гипноза, в который ее ввел Самбер, – ты ничего не знаешь о нем. Мы ничего не знаем о нем. И никогда не узнаем его истинных помыслов.

– Он ходит к вам. Посещает исповеди. Вы что-то знаете?

– Знаю, Джес. Поэтому умоляю, держись от него подальше.

Монсеньор отпустил ее и попытался привести дыхание в норму. Он и так сказал много лишнего. Он не должен был. Но сейчас, таинство отошло на второй план, потому что страх за Джес был сильнее.

– Я не понимаю вас.

Ей хотелось выяснить, что он имел в виду, но святой отец уже закончил требу, оставляя много недосказанного.

– Иди с Богом, Джес.

Исповедь Самбера давила на его плечи, душила горло, выкалывала глаза и вырывала язык по самое окончание.

ГЛАВА 2

– Я не вовремя?

Самбер нахмурил брови, когда на его пороге появилась еще одна гостья.

Что за день открытых дверей? Совсем недавно он сетовал на судьбу и Вселенная, как всегда, услышала его неправильно. Появление Джес было приятным сюрпризом, садовник не соврал.

Этот странный паренёк, что-то бормотал про необычные свойства цветка и очень рекомендовал разжиться парой клумб. Если раньше Кайл видел в нем необычное растение, то теперь был намерен узнать о его влиянии больше. Всегда ли запах производил такой эффект, или этой ночью произошло то, что случилось бы без всяких соцветий? Джес давно не была с мужчиной, а накануне он достаточно постарался для того, чтобы произвести на нее впечатление.

– Мистер Самбер? – незваная гостья выдернула его из приятных размышлений.

Он знал, кто стоит перед ним, но показывать этого не собирался. В конце концов, он никого не приглашал и не обязан быть любезным.

Ее длинные белоснежные волосы, сегодня были собраны в ажурную косу, стройные ноги обтянули черные лосины, заправленные в высокий сапог. Под кожаной курткой виднел-

ся воротник белой блузки, а аккуратные пальчики нетерпеливо теребили сумочку. В таком виде она выглядела более привлекательно, чем в старом подвенечном платье.

– Я пришла по делу.

– Я не принимаю дома. А в выходные дни не принимаю вообще, – сухо произнес он, и развернулся в сторону дома.

– Я думаю, ты мог бы сделать исключение, раз уж я здесь. Такой настойчивости можно было только позавидовать.

Она ускорила шаг и обогнала его. Возле беседки достала из сумки папку с бумагами.

– Не переживай, я много времени не займу.

– У тебя очень интересный подход к делу, Амели, – проговорил он, когда суэта с бумагами была окончена.

Самбер обогнул беседку и сел на кованную лавку.

Сегодня было воскресенье. Самый скучный день из всей недели, который тянулся нескончаемо долго. Кайл имел власть над многим, но время пока ещё было ему неподвластно.

– Ты помнишь моё имя, а это уже гарантирует успех.

Амели широко улыбнулась и села напротив. Не так вальяжно, как мужчина напротив, но и не с меньшим достоинством.

– Я знаю имена всех, кто живёт в моем городе, не думаю, что этим людям как-то по-особенному везет.

– Я думаю, иметь такого ответственного мэра уже удача для каждого.

Иметь? Самберу показалось, что она сделала намеренный акцент на этом слове.

Слишком нагло. Можно сказать, непозволительно. Ворваться в его дом, бросать двусмысленные намеки. Это только на первый взгляд может показаться храбростью и вызвать восхищение. На самом же деле, эти действия пахивали банальной тупостью.

– Это мой диплом, аттестат, характеристики, рекомендации и прочие документы, которые должен иметь любой уважающий себя специалист, – Амели придвинула к нему аккуратную стопочку. – Управление активами, планирование бюджета, аудит – я хороша в этом.

– Англия? – Кайл все-таки взял в руки бумаги, а потом поднял на нее насмешливый взгляд, – у меня уже есть секретарша.

Амели чуть не подавилась от возмущения.

Кого он в ней увидел? Да и что в конце концов возомнил о себе? Мэр глухой деревни должен вцепиться руками и ногами за такого специалиста.

Она пришла сюда к самому главному человеку города, а вместо этого видела перед собой напыщенного пижона, чье высокомерие не соответствовало ни статусу, ни месту, ни ситуации.

Хотелось прямо глядя в глаза высказать все, что она о нем думает, и получить от этого истинное наслаждение.

Но она не могла этого сделать. Ей нужна была работа,

пусть и на короткое время. Еще был вариант, заинтересовать мистера Самбера как мужчину, но и он с каждой секундой казался все более невозможным.

Ни интереса, ни желанья, в свой адрес она не видела. Даже банальной заинтересованностью не пахло.

Только насмешка и скука в тёмных глазах, которые уже хотелось выколоть.

– Ты, наверное, неправильно меня понял, – Амели натянула на лицо фальшивую улыбку, – я действительно хороший специалист.

– Как давно ты приехала в город? – Кайл задал неожиданный вопрос, лишая ее времени на раздумья.

– Позавчера ночью.

Амели знала, что если не врать, то и запоминать ничего не придется.

– Почему ночью?

– Дорога длилась дольше, чем я рассчитывала.

– Мы слишком часто с тобой видимся за эти два с половиной дня.

Амели нахмурилась от дискомфорта. Если вчера он безжалостно раздавил её розу, то сегодня, похоже, собирался пройтись своими лакированными ботинками и по ее самолюбию.

– Можешь быть спокоен. Мне это тоже не приносит особого удовольствия.

Неужели здесь действительно никто не мог поставить его

на место?

На фестивале Амели неоднократно видела, как участницы с вождедением и страхом смотрят на мэра, но тогда приняла это за массовое помутнение рассудка. Теперь же, она понимала, что опасаться им действительно было чего. Им, но не ей.

Кайл никак не отреагировал на ее колкость.

Что ещё может выдавить их себя женщина, которая чувствует, что не способна завести мужчину? Только одно – отзеркалить. Спрятать внутрь прежнюю улыбку и острить.

– Встреча не приносит тебе удовольствия, потому что я не заинтересован в этом.

Самберу стало интересно, получится ли у него разувериться в себе Амели еще больше.

– Тем лучше для нас обоих. Значит ты поторопишься подобрать для меня подходящую должность как можно быстрее. Например, сейчас.

Амели стала собирать свои бумаги, а ее боковое зрение уловило усмешку Самбера.

Ее воображение рисовало картину, как она впивается ногтями в его самодовольное лицо и оставляет кровавые отметины. Скручивает мощную шею и бьёт в солнечное сплетение. Амели шумно сглотнула, когда ей пришлось бросить ещё один взгляд на его тело. Такое слаженное, наверняка приятное на ощупь. Но Бог не допустил просчетов: самые красивые растения, обычно ядовитые. Все яркое и привлека-

ющее в природе внимание, всего лишь отравленная пустышка.

– Я думаю, что у меня есть для тебя одно хорошее предложение.

– Да? И какое?

– Хорошее предложение, – Кайл кивнул в подтверждение своим словам, – самое то, для хорошего специалиста в котором нуждается город. Как там ты говорила, аудит?

– И управление активами, – повторила Амели.

Чертов мистер Самбер, она слишком плохо его знала, чтобы понять, искренен он или блефует. Остаться в дураках давать ему и ещё один повод для злорадства не хотелось.

– Нужно съездить кое-куда, обсудить детали.

– Без проблем, – Амели пожала плечами, – назови адрес, и я немедленно туда отправлюсь.

– Мне бы хотелось самостоятельно ввести тебя в курс дела, – проговорил Кайл.

– Это было бы любезно с вашей стороны...

Амели достойно выдержала очередной взгляд. Оказывается, не так уж и сложно переубедить, когда умеешь это делать.

– Я переоденусь и отвезу тебя.

Еще одно проявление эгоизма и невежества. Воспитанные люди приглашают в дом и предлагают напитки. Но Амели понимала, где находится. Это место не было похоже на город её мечты, и она не собиралась долго здесь находиться.

Ее больше соблазняли густонаселенные мегаполисы и наполненные событиями дни. Роскошные апартаменты, изысканная публика, азарт, интрига. Ощущение, когда идёшь в ва-банк и срываешь гигантский куш. Испытывал ли этот грубый и ограниченный субъект, хоть что-то из вышеперечисленного? Вряд ли.

Судя по всему, ему нравилось крутиться в этом микроскопическом мирке, делать вид, что центр всего существующего на земле – он.

Кайл вышел на улицу спустя пятнадцать минут. Сбросил спортивную одежду и облачился в более привычную для себя.

Амели, к своему разочарованию отметила, что вещи были явно дорогими.

Марку пальто и его обуви она определила без раздумий.

В голове не укладывалась мысль о том, что здесь столько зарабатывают. Амели понимала, что он мэр города, видела весьма недурной особняк, допускала что городская реликвия. Закрывает глаза на брендовую одежду, которая могла оказаться у мистера Самбера случайным образом, но когда из гаража выехал и притормозил рядом серебристый Bugatti Veuron, она совсем растерялась.

Амели не удержалась и провела пальцами по зеркальному боку, сама открыла дверь и села на переднее сидение.

Кайл видел восторг в её глазах. Ничего необычного. На девушек всегда производят впечатление дорогие тачки. Только

сейчас было одно «но»: производить впечатление не входило в его планы.

– Сколько здесь...

– Тысяча двести лошадиных сил, – со скучающим видом, опередил вопрос своим ответом Самбер.

Амели схватилась за ремень безопасности.

С такими характеристиками, машина больше напоминала самолет. Она могла бы около получаса искренне восхищаться автомобилем, его комфортным салоном и идеальной сборкой, но рядом сидел совсем не тот человек, с кем хотелось это делать.

Его взгляд был полностью сосредоточен на дороге, левая рука лежала на руле.

За окном проносились совсем непрезентабельные виды, осень уже во всю господствовала в городе, разукрашивая пышную растительность в палитру из жидкого золота.

Водитель даже не включил музыку, словно в тишине он чувствовал себя гораздо лучше.

– Я поселилась в отеле, – Амели решила заговорить первой, – это не очень удобно. Во-первых, он находится почти на въезде в город, во-вторых, условия не слишком для меня удобны...

– Отелем предусмотрены все удобства, в которых нуждаются туристы.

– Возможно. Но я не турист. Я бы хотела найти что-то более удобное, и поближе к работе. Если она меня устроит...

– В этом не может быть и сомнений. Ты не сможешь отказаться.

Самбер улыбался и ей не нравилась эта улыбка. Она была хищной, как у голодного зверя.

– Интересно, – пробормотала Амели и бросила ещё один короткий взгляд на мэра. – Эта девушка, которая от вас выходила, я видела её на фестивале. Вы вместе?

Кайл покачал головой. Амели не поняла, что это значило: отрицательный ответ, или же эмоции, вызванные порывом ее бестактности. Переспрашивать не хотелось. Если тебе не ответили с первого раза, вряд ли на второй что-то изменится.

– Возможно мне просто стоит порыться в интернете и найти нужную информацию, если человек, который должен знать о городе все, не проявляет гостеприимства?

– Уверен, ты отыщешь там много забавной чуши.

– Любое мнение имеет право быть высказано.

– У меня свои понятия на права.

– И какие же?

– Ты должна была ознакомиться с ними сразу после того, как пересекла черту.

– А они что, какие-то особенные здесь?

Амели поправила резинку, которая обхватывала толстую косу.

Ей было неловко и как бы она не старалась разговорить мэра, ничего не получалось.

– Правила жизни в больших городах, значительно отлича-

ются от маленьких, – сухо произнес Кайл.

– А с чего ты взял, что я из крупного города?

– Одежда, маникюр, речь.

– Ну тебе же местоположение не мешает ходить в «Вгіоні», – Амели выгнула бровь.

– Зачем ты приехала сюда?

– Захотела сменить обстановку.

– Ты знаешь кого-то из города?

– Нет, это важно?

– Откуда узнала про Самбервилль?

– Я не понимаю, это допрос? – Амели нервно посмотрела в окно, и скорость машины её больше не радовала. – Мы скоро приедем?

Только сейчас она обратила внимание на то, что горизонт утратил всякий намёк на подобие улиц. За окном мелькали поля, лысоватые макушки и острые кроны деревьев.

– Это зависит от того, как скоро я получу ответ.

Кайл не любил сюрпризы, ненавидел подарки. Появление настойчивой блондинки не входило в его планы. Это произошло слишком спонтанно и могло нарушить все его планы.

– Ты обещал мне рабочее место, – решила идти в наступление Амели.

– Для чего ты приехала в Самбервилль? – повторил он, и машина остановилась.

Амели казалось, что она слышит, как в её висках стучит пульс.

– У меня нет ответа на этот вопрос! – выкрикнула она. – Ни в одном городе, в который я приезжала, об этом не спрашивали!

– Я предупреждал о том, что у меня свои правила.

– Это не значит, что все должны слепо им следовать...

Амели напряглась, когда он потянулся к её волосам, провел пальцами вдоль ажурного плетения и убрал косу, коснувшись груди.

Она только успела возмущенно открыть рот, когда его пальцы коснулись замка и ремень безопасности был расстегнут.

– Выходи из машины.

– Что?! – Амели не верила своим ушам, – до города километров двадцать!

– Не заставляй вытаскивать тебя силой. Ты и так отняла у меня слишком много времени.

– Я не понимаю, за что?

– Я оказываю тебе услугу, и даю время придумать правдоподобную причину визита. Если успеешь вернуться в город засветло, можешь даже не переживать за свою безопасность. Самое страшное здесь происходит ночью.

Несколько дней назад

– Давай быстрее, что ты там возишься? – прошипела Амели.

Ее нога нервно подрагивала на педали газа, а пальцы, которые крепко впивались в мягкий обод руля, время от времени сводило судорогой. Напряжение в тесном салоне старого пикапа висело не шуточное. Амели не отрывала глаз от зеркала заднего вида. Она была не готова встретиться лицом к лицу со своей смертью.

– Марта, ты будешь садиться или нет?!

– Алекса все равно ещё не вернулась!

Марта бросила на заднее сидение то, чем были заняты её руки, и бегло оглянулась по сторонам.

– Мы ждали и так достаточно долго, – холодно произнесла Амели и переместила руку на рычаг переключения передач.

Старенькая машинка закряхтела, когда начала набирать обороты.

– Что значит долго? Мы должны её дождаться, у нее не будет другого шанса...

– А у нас будет? – рявкнула Амели.

Это был первый раз, когда все пошло вразрез с чётким планом. Все не ладилось с самого начала, нужно было отказаться от задуманного до того, как стало слишком очевидно, что все развернувшееся представление – ловушка.

Амели закрыла на секунду глаза.

Секунда времени для Алексы, секунда для того, чтобы успокоиться самой.

И в путь.

Все сожаления нужно было оставить на потом.

– Амели, а если бы и я не вышла, ты бы тоже уехала? – Марта вздрогнула, когда машина рванула вперёд.

– Да. Тебе повезло, что ты сделала все быстро.

Перед глазами всплыло недалекое прошлое.

Массовое скопление людей, темно-синие мантии, квадратные шапочки. Женщина на сцене рассказывала о том, что у выпускников престижного колледжа совсем скоро начнётся новая жизнь. Амели в пол уха слушала, что теперь все двери перед ней будут открыты, что любой, на кого она обратит внимание, будет встречать её с распростертыми объятиями... Было скучно.

Жарко, скучно и слишком долго. Притянутая за уши нотка трагизма, совсем не трогала душу.

Уже тогда, Амели знала, что эта жизнь не для неё. Она и так сделала услугу своим родным, получая образование и оправдывая возложенные надежды с лихвой. Осознание того, что у нее есть единомышленницы, не могло не радовать.

Марта и Алекса значили для Амели гораздо больше, чем обычно могут значить подруги. Так в жизни случается, когда ты встречаешь кого-то по-настоящему близкого духом, и уже не представляешь, как жил до этого раньше.

Они попробовали воплотить в жизнь свой первый план ещё в колледже. Прибыль была смехотворной, но нужно было убедиться, что все действительно работает. Никаких осечек. Все было сработано настолько слажено, что не могло не подталкивать к попыткам развиваться дальше.

Небольшой музей исторических ценностей с радостью принял предложение организовать благотворительную акцию. Освещение в СМИ, упоминание их имени в авторитетных издательствах, могло сыграть на руку убогой постройке, с кучкой ненужного допотопного хлама.

Когда собранная благотворительная сумма в один из последних дней акции исчезла с официального счета музея, шум поднимать никто не стал.

Хвалебные оды уже были написаны. Вклад «за неравнодушные», почти болтался медалью на груди директора музея.

Все знали, что благотворительность – всего лишь повод для того, чтобы скрыть оборот чёрного нала. Никому не хотелось проблем, особенно когда не было никаких доказательств. Черный пиар, не всегда полезен, иногда – это шаг в пропасть.

Тогда, администрации пришлось раскошелиться и покрыть потери из своего кармана, извлекая извечный урок о благих намерениях. А Амели с подругами разжиться пусть и не крупной, но достаточно приятной суммой.

С тех пор, желание работать «по-крупному», крепко засело в сердцах трех. Безнаказанность кружила голову, каждой

хотелось стать ещё лучше в отведённой нише.

Три молодые девушки в два счета обыгрывали серьёзных бизнесменов, вносили в их жизнь смуту. Алекса отлично владела компьютером, Марта тасовала как колоду карт финансовые схемы, а Амели умела легко входить в доверие, подбирать нужные слова, и исчезать так же незаметно, как и появилась. Иногда, чтобы расположить к себе некоторых мужчин, ей приходилось переходить рамки деловых отношений, но её это не смущало.

Мучила их совесть? Не спали ли они ночами из-за того, что очередную сумму не получают больные дети или беспомощные старики?

Нет и ещё раз нет.

Амели была уверена, что сумма в полной мере никогда бы до них не дошла. На их своеобразную группировку ещё ни разу не заявили в полицию, а значит, красть краденное совсем не грех. Только в последний раз все развалилось как карточный домик. Ураган закрутился и принялся затягивать их в воронку.

Амели вела машину и ругала себя за глупость. Очевидные вещи начинали всплывать огромными айсбергами со дна океана.

Как можно было принять полицейского за миллионера? Она же видела, как он управлялся со столовыми приборами, и ни черта не смыслил в бизнесе, который якобы основал?

Им повезло. Она просто случайно наткнулась на чертов

значок копа, который по непонятным причинам решил затянуть с арестом.

Пот, который прошиб её в то мгновение, до сих пор холодил виски. Амели взяла на себя смелость спуститься в зал и отыскать Марту. Искать Лекси, просто не было времени.

– Нас вычислят по этой машине и посадят в тюрьму, – скулила на автомобильном сидении Марта.

– Вначале мы отыщем ближайший город, а потом столкнем её с обрыва, – раздраженно оборвала подругу Амели, – ты взяла документы, о которых я говорила?

– Взяла, – Марта вытерла слезы, и потянулась к свертку, который лежал на заднем сидении.

План «Б». Не такой хороший как «А», но без запасных ходов в этом деле нельзя никак.

– Отправь фотографии и напиши, что если на нас выйдет полиция, мы передадим бумаги им.

– Они же нас убьют, если узнают, что у нас есть.

– Фотографируй, отправляй, а потом выбросишь телефон.

Амели попыталась набрать полные легкие воздуха. Избежать проблем, связанных с полицией, было важно. Голово-резы, в отличии от стражей порядка, не стали бы лепить их мордашки на каждый столб. Это давало возможность отсидеться в тишине, а после свалить на другой берег океана.

Главное, дожить до рассвета.

Амели видела, как трясутся руки Марты, и внутренне умоляла себя не паниковать. Хвоста по-прежнему не было.

Возможно, вовремя отправленные улики, сделают так, что он и вовсе не появится.

– В окно? – Марта всхлипнула и сжала в пальцах телефон последней модели.

Она дождалась кивка подруги отбросила телефон подальше от дороги.

Они уже ехали несколько часов. Марта уснула. Амели тоже чувствовала подступающий сон, когда на дороге замаячила вывеска.

Большая, деревянная, резная. Буквы приветствовали ее и приглашали в Самбервилль.

Амели старалась не ехать центральными дорогами, пыталась путать след и понятия не имела, куда именно она приехала. Старенькое авто не предусматривало навигатора, да и пользоваться телефоном было опасно. Она сохранила его только для того, чтобы связаться с Алексой, и продолжала верить, что ей тоже удастся сбежать.

– Марта, – Амели осторожно потрогала девушку за плечо, – смотри, какой-то город.

Та сонно поморщилась, рассматривая тускло подсвеченную вывеску.

– Нужно отогнать тачку подальше. Завтра решим, что с ней делать, – проговорила Амели и завела мотор.

Теперь, спустя несколько дней, Амели ощущала дежавю. Два часа в дороге, и вывеска с названием чертового города

снова маячила перед её глазами.

Дорога к храму была уже выучена вдоль и поперек. Хотя что сложного? Если идти все время прямо, навстречу огромным старинным башенкам, то мокрый асфальт обязательно приведет тебя к нему.

Она ходила туда каждый день. Искупала грехи? Говорила с Богом? Нет.

Просто ноги сами вели ее туда.

Марта обхватила свое тело руками, чтобы защититься от сквозного ветра. Так себе городок. Мрачный, скупой на хорошую погоду и приветливых жителей. Задерживаться, и тем более оставаться здесь, не хотелось.

Впрочем, Марта давно позабыла что такое сентиментальность и сочувствие. Эмоции давно покинули ее тело, без предсмертного вздоха. Просто в какой-то момент она поняла, что чувств поубавилось. Но когда нога переступала порог святынища этого странного города, все внутри регенерировалось. Святые места были тому виной, или же Он, Марта не знала.

Но каждый раз, наблюдая, как вереница жителей лениво плелась из храма, она бросалась к своему мрачному наряду, чтобы снова вернуться туда.

Сегодня был третий день, а за ними так никто и не приехал. Марта смотрела новости по каналам, но о них никто не упоминал. И только переживания о Алексее не давали ей

покою.

– Я заметил, что ты приходишь каждый день после службы. Я могу узнать причину?

Марта вздрогнула, как вздрагивала каждый раз, когда кто-то подходил к ней неожиданно.

– Я не люблю большого скопления людей, монсеньор, – тихо ответила она.

В каре-зеленых глазах священника плескалось понимание. Ровные брови, без всяких изгибов, квадратный, мужественный подбородок, гладковыбритая кожа.

– Меня мучают головные боли, и я люблю тишину...

Только стоило Марте заговорить о боли, как воспомина- ния острым ножом разрезали её разум, и тело сжалось от спазма.

Горячее дыхание, всхлипы, эхом разносимые под куполом собора, сорванная колоратка, жадные губы, сорванная ман- тия...

Марта сдавленно простонала и коснулась пальцами вис- ков. Священник придвинулся к ней ещё ближе, дотронулся подбородка, и обжег лицо горячим дыханием:

– Вам плохо?

– Приветствую, монсеньор!

Марта наконец-то смогла вдохнуть свежего воздуха, когда приступ прошёл так же быстро, как и начался.

– Я не помешал, святой отец?

По длинному проходу между церковных лавок, самоуве-

ренно шел мужчина. Его размашистый шаг был тверд, а на губах застыла улыбка. Ему нравилось то, что он застал их врасплох.

– Служба давно окончена, мистер Самбер, – монсеньор убрал руки от лица девушки, – я принесу вам воды.

– Есть в этом что-то такое, да? – Самбер присел на свободное место и кивнул на распятие, которое занимало практически всю стену, – самопожертвование, забота о других. Ты, наверное, восхищаешься этим?

– Если он умер ради нас, то это был глупый поступок, – Марта опустила длинные ресницы.

Она не хотела встречаться глазами с мэром. По внешнему виду, она легко определила кто находится перед ней.

– Очень смелое заявление, – мистер Самбер широко улыбнулся, – может быть, я покажусь грубым, но мне интересна цель твоего визита.

– Я...

Марта закусила губу до боли, когда поняла, что попалась. Дьявол в человеческом облике раскусил ее.

– Носишь траур? – кинул догадку Самбер, – не люблю тех, кто убивается по умершим. Говорить с людьми, нужно пока они живы. Любить надо, пока они живы. А после, им уже все равно.

– А что же здесь делаешь ты? – сорвалось с губ прежде, чем она поняла, что не нужно было этого делать.

Единственное, что следовало сделать – это попрощаться

и бежать. Бежать со всех ног.

– Обожаю этот запах. Он дарит мне умиротворение. Мирра действует на меня, как качественное успокоительное, а эта лепная красота? Здесь даже пыль хранит в себе больше, чем древнейшая книга мира.

Марта коротко скользнула взглядом по гладко приглаженным волосам, по обесцвеченным глазам, которые были подняты вверх, по идеальным скулам. Лишь на секунду, потому что не хотела, чтобы он разгадал ее.

Дьяволу давно приписывали чувство справедливости. Рисовали его сексуальным и соблазнительным. Опытным искусителем, перед которым невозможно устоять. О нем писали лучшие из лучших.

– Храм – нечто большее, чем архитектурное произведение. Лепниной восхищаются в музеях, – произнесла Марта.

Правильно говорила Амели – её неумение держать язык за зубами,

всегда вылезало ей боком.

– Ты так и не ответила на мой вопрос. Ты кого-то потеряла?

– Нет. Я прошу у Бога здоровья...

– Для себя?

Марта ощутила на своём лице тяжёлый взгляд.

Разве этично спрашивать об этом?

– Со мной все в порядке, – проговорила Марта.

Их отвлекли шаги монсеньора, и это вызвало вздох облег-

чения. Марте было не по себе.

– Тебе уже лучше? – он протянул стакан и Марта вцепилась в него пальцами.

– Здесь слишком душно, – проговорил Кайл, а его глаза внимательно следили за тем, как она жадно пьёт воду.

– По всей видимости ожидается гроза, – ответил священник и обернулся в сторону вытянутых окон.

– Да, не самое подходящее время для пеших прогулок вдали от города, – усмехнулся Кайл, – а вы, мисс, уже успели посмотреть город?

Марта оторвала от своих губ стакан и растерянно посмотрела на него.

– Вы ведь приехали недавно?

– Мистер Самбер – мэр нашего города. Он заинтересован в том, чтобы каждый новый житель был обеспечен всем необходимым, – вмешался монсеньор.

– Seriously? – ироничная улыбка коснулась губ Кайла, – спасибо за подсказку, монсеньор...

– Я действительно приехала недавно, и ещё нигде не была.

Ей показалось, что между этими двумя пробежала искра. Но не должен ли святой отец оставаться беспристрастным?

– Это видно. Даже если бы я не знал каждого в лицо. Твои коленки уж очень притягивают к себе взгляд даже тех, кто туда смотреть не должен.

– Богу все равно какой длины юбка, он любит всех одинаково.

– Да ну? – громко рассмеялся Кайл, – я своими ушами слышал, как ты вычитывал о неподобающем виде. Приводил цитаты из Библии, что одяние должно быть целомудренным. Или же, правило действует не для всех? Может то, что давно спало, сегодня очнулось ото сна?

Эти слова словно вывели Марту из оцепенения. В памяти снова всплыли картинки.

– Прошу прощения, но мне нужно идти, – она вскочила со своего места, потому что чувствовала, как дрожат те самые коленки.

– Ты не сказала, как тебя зовут...

Пальцы мэра обхватили её запястье. Оставалось всего пару шагов, и он бы не смог дотянуться, но удача, не была на ее стороне.

– Марта, – проговорила она и заметила, как священник нервно одернул рясу.

– Марта, если возникнут какие-то проблемы, можешь обращаться ко мне.

Она лишь коротко кивнула и рванула к выходу. Марта не сбавила скорости, когда пересекала маленький парк и вдавливала в сырую землю опавшие листья. Не остановилась, когда сигнал светофора загорелся красным, не уступила дорогу женщине с коляской. Только когда дверь в её комнату захлопнулась, она выдохнула и обессиленно упала на кровать гостиничного номера.

За окном прозвучал раскатистый гром, несколько раз

блеснула молния, нарастающий дождь забарабанил по металлическому подоконнику.

Картинки в голове никак не хотели блекнуть

Тонкий карандаш штрихами выводит силуэт. Особое внимание уделяет кресту, прорисовывает рясу и красивые длинные пальцы. А потом тёрка стирает карандаш, под белым резиновым овалом проглядывается обнаженное мужское тело...

Картинки.

Картинки.

Марта вздрогнула, когда входная дверь хлопнула, вторя грозе.

ГЛАВА 3

– Кретин, ублюдок, – Амели совсем не подбирала слова, которые соскальзывали с ее языка, – я его убью. Прикончу.

Она открыла нижний ящик ветхого комода, и на секунду дернулась, когда испуганный паук на длинных лапках, пожелал поскорее скрыться со своего привычного места.

– Что случилось? – Марта наблюдала за тем, как Амели достала из плотной тряпки пистолет.

– Приставлю дуло к его безмозглой башке, – с безумием ответила она, и проверила наличие патронов в магазине.

– Лия, ты можешь сказать, что произошло?

– Не называй меня так, иначе в этой дыре на один труп станет больше!

Амели бросила на кровать оружие и поплелась в ванную комнату за полотенцем. От проливного дождя волосы спутались в узлы, а недавняя причёска напоминала что-то страшное.

– Я промокла до нитки, видишь?

– Можно подумать, в этом есть моя вина, – тихо ответила Марта.

– Пока ты сидишь дома, я решаю наши общие проблемы!

– Я не сижу дома, – вспыхнула Марта.

– Если ты такая самостоятельная, значит пойдёшь и будешь пытаться найти общий язык с этим куском дерьма. Я

хочу видеть выражение твоего лица, когда ты с ним познакомишься!

Амели стиснула зубы. Пластиковая расческа скорее рвала пряди, чем распутывала их.

– Я уже с ним сегодня познакомилась, – раздалось в тишине номера.

Этот звук больше был похож на возведенный в гробовой тишине курок.

– Что значит, ты с ним познакомилась? – прошипела Амели.

– Я ходила в церковь после службы, когда все разошлись. Мистер Самбер тоже пришёл туда...

– Церковь? Серьезно? Ты взялась за старое?

– А ты думаешь я прекрасно чувствую себя в четырёх стенах? – повысила голос Марта. – Ты постоянно где-то пропадаешь, а мне приходится сидеть здесь одной. Без телефона и с мыслями, которые медленно, но верно сводят меня с ума!

– Можно подумать, если бы у тебя был телефон, ты нашла кому бы позвонить.

– Да! Я позвонила бы Алексе, и убедилась, что у нее все в порядке! – с отчаянием в голосе выкрикнула Марта.

Во взгляде Амели, что-то изменилось. Она отложила расческу, которая изодрала ей все волосы, и придвинулась ближе.

– Марта, я тоже переживаю за Лекси, но пока не время. Они могут через неё выйти на нас, ты же понимаешь?

– Понимаю. Просто, стоит мне представить, что она не успела сбежать...

– Мы со всем разберёмся, ты веришь мне?

Амели заставила ее посмотреть в свои глаза, и Марта часто закивала.

– Хорошо, а теперь расскажи мне как прошло знакомство с мистером Самбером?

Эту фразу Амели скорее выплюнула, чем произнесла. Прежде, ей никогда не приходилось встречать более отвратительного человека. Этот гад спутал ей все карты, и наставил в колеса палок.

– Я же говорила. Я была в храме, а он пришел туда. Если честно, я не помню, что там происходило. Я боялась, что он вспомнит меня. Амели, мне кажется, что это он. Я почти уверена.

– К черту преподобного и твои детские фантазии, – отмахнулась Амели, – расскажи мне, как вел себя ублюдок.

– Ничего особенного. Перекинулись парой предложений, а когда я собралась уходить, он спросил мое имя.

– Надо же, – в глазах Амели сверкнул какой-то не здоровый огонек, – может быть, ты ему понравилась?

– Я не думаю...

– Думать и не обязательно. Если он не клюнул на меня, то придется тебе потрудиться.

Амели говорила, а сама испытывала очень глубокий дискомфорт. Слово в ботинок попал назойливый камешек, ко-

торый мешал идти. Этим камешком и был мистер Самбер. Единственный представитель мужского пола, который при встрече, не представил ее в своей постели. Это задевало и било по самолюбию. Потому что она сама была не прочь там оказаться.

– Что ты имеешь в виду, под словом «потрудиться»? – задала вопрос Марта. – Я не собираюсь делать ничего такого, если ты намекаешь на...

– Да ладно? Значит, когда нужно прыгнуть в чью-то кровать, для этой роли для меня вакантное местечко? Амели, клиент не идет на контакт. Амели, он положил на тебя глаз. Амели, нужно усыпить его бдительность. Хватит! Будешь! На данный момент – это самое безопасное место. Никому и в голову не придет искать нас в этом гадюшнике. Мы будем сидеть здесь, столько, сколько потребуется. А ты, раз уж приглянулась мэру, сделаешь все для того, чтобы наша жизнь протекала максимально комфортно!

– Амели, я не думаю, что...

– А потом... – глаза Амели вспыхнули нездоровым блеском, – мы пошатнем его капитал, обдерем до нитки, и оставим с голой задницей! Как ты думаешь, как быстро осядет его гонор, когда он останется ни с чем?

– Мне кажется, нам нужно остановиться.

– Одно посещение церкви, и ты уже готова встать на путь истинный? Ты такая лицемерка, Марта.

– Причем здесь церковь? Мы несколько дней назад едва

не попали за решётку, ты сама говорила, что нам нужно временно залечь на дно. Осторожность превыше всего. Да и мистер Самбер не так прост, я это чувствую...

– Я тоже не так уж и проста, – Амели вернула в руку расчёску, и с остервенением продолжила расчесывать волосы, – я буду не я, если не отомщу ему. И плевать, я не остановлюсь даже если мне придётся делать все самой!

Признаваться в своих чувствах, всегда сложно. Сотни предложений, тысячи вариантов все – это казалось не тем.

Джес протерла барную стойку от липких капель, и в очередной раз заявила себе, что говорить с мэром на любовные темы – абсурд.

– Давай ты на один вечер перестанешь быть девушкой с грустными глазами, и выпьешь со мной приторный коктейль?

На свободный стул у барной стойки присел парень.

– И тебе привет, Лиам. Ты же знаешь, на работе я не пью, – произнесла Джес, в который раз отказываясь от его предложения.

– Ты вообще не пьешь, – поправил ее он, – я уже привык напиваться в одиночестве. Тим был хорошим парнем, мы с ним...

Джес вздрогнула, когда услышала родное имя.

Вчера она возомнила себя кем-то вроде феникса, возродилась из огня, почувствовала крылья за плечами. Все фо-

тографии мужа были аккуратно собраны и бережно сложены в шкаф. Но если фотографии можно убрать с глаз долой, если можно забить свою голову другими мыслями, запретить себе вспоминать, то что делать с людьми, которые сами того не желая, режут без ножа?

– Прости, я опять болтаю лишнее.

Лиам усмехнулся, а его золотистые глаза потемнели.

Лиам был отличным парнем, Джес знала это давно. Ее муж общался с ним.

– Давно тебя не видела, где ты пропадал? – Джес машинально взяла деньги с барной стойки и наполнила бокал пивом.

– Город растёт, – Лиам потянулся, и спрятал длинные руки за лысую голову.

Если честно, Джес и представить его не могла с волосами. Все в нем было настолько гармонично, как будто он сошел с экрана сериала «Offender».

Высокий рост, крепкое, но в тоже время суховатое телосложение. Лицо слегка жестковатое, но стоило ему улыбнуться, как щеки украшали ямочки. Образ «плохиша», любимый девушками, которые втайне мечтают о запретном.

– Растёт город. Строим сейчас далеко от центра. Торговый комплекс, или черт его знает, что пришло в голову забитому чернилами индюку. Главное, что платят в срок.

– Лиам!

– Что, «Лиам»? Можно подумать его тут кто-то любит. Эй, мужики, – крикнул он в зал, – кто согласен, что Самбер – индюк?

– Сейчас он выйдет из-за угла и надерет тебе зад, – слышались в ответ редкие смешки.

– Ага, а если не выйдет, то донесут...

– Видишь? – Лиам довольно улыбнулся.

Джес только покачала головой, сдерживая ответную улыбку

– Еще и из этих, – Лиам неприятно поморщился, – на всякий случай, когда я вижу его, специально не поворачиваюсь спиной. У меня красивый зад, еще захочет ненароком.

– Лиам! – Девушка возмущенно распахнула ресницы.

Она слышала про Самбера разное, но в это, она точно не верила.

– Я тоже такое слышал, – подтвердил один из присутствующих, – говорят, на севере, недалеко от Самбервилля, его видели с женщиной, они гуляли и держались за руки.

– Что за бред, – не смогла сдержать негодование Джес, – он не такой.

– А ты хоть раз видела, чтобы он проводил время с девушкой?

– Прекратите немедленно эту грязь, иначе я закрою бар раньше времени! Он, в конце концов был женат!

– Ага, долго? – раскатистый мужской смех пронесся волной по бару.

Общая и всегда беспроегрешная тема была найдена. Неисчерпаемая, с постоянно всплывающими новыми подробностями.

– Женился, и на следующий день развелся, – давился от смеха толстяк. – Не разобрался, как обращаться с женщиной.

– Он у вас то оборотень, то вампир, то член массонского ложа, то убийца невинных девушек, теперь вы решили приписать к бесконечному списку то, что он гей?

Отчаянная попытка Джес встать на защиту мэра, была принята очередным взрывом хохота.

– А вы видели, как он одевается? Разве нормальный мужик пускает в ход столько геля для волос? А эти... а эти...

Выпивка попала не в то горло, перехватила дыхание, и заставила весельчака пытаться жадно ухватить воздух. Его глаза чуть-ли не вывалились из орбит, лицо покраснело, пальцы судорожно схватились за столешницу.

Хохот начал стремительно терять свою силу, в воздухе повисла тишина.

Джес растерянно сделала шаг из-за барной стойки и остолбенела, когда входная дверь открылась.

Все присутствующие испуганно перевели взгляд следом. В абсолютной тишине эхом отбивался каждый шаг лакированных ботинок.

Кайл оказался за спиной весельчака. С силой сжал руку в кулак и черные узоры на его костяшках растянулись. Второй рукой он обхватил кулак, и сделал толчок, в районе стыка

живота и ребер.

Толчок. Еще один.

Все с замиранием сердца следили за тем, что происходило у них на глазах, а после, с отвращением поморщились.

– Ты, кажется, перебрал, старик.

Кайл похлопал его по плечу, и вытащил из кармана белоснежный платок, который опустил на изгаженный стол.

– Не пей больше сегодня. Выходные дни еще не скоро, а время позднее. Не хочу быть занудой, но если завтра хоть кто-нибудь опоздает...

Мистер Самбер многозначительно поднял бровь и направился к барной стойке. Внутри Джес все сжалось. От страха до восхищения. От трепета до возбуждения.

– Я же тебе говорил, – незаметно пропел Лиам, и девушка вздрогнула, когда вышла из глубокого гипноза, в который умело погрузил ее мистер Самбер.

– Джес, как работа? – речь стала совсем другой, прежняя ядовитость пропала, а мягкая улыбка не свойственная мэру, коснулась его губ.

– С вашим визитом, ее основательно поубавилось, – Джес коротко улыбнулась.

Мистер Самбер ухмыльнулся и обернулся к полупустому залу.

Интересно, всепоглощающая власть вообще может надоесть? Должность мэра – всего лишь формальность.

Он чувствовал себя королем, который выстроил свое иде-

альное королевство, который купался в лучах славы и страха своих подданных.

– У меня завтра выходной, – поднял руки последний посетитель.

– Не только завтра, приятель. В этом городе никто не собирается умирать.

Еще одна совсем не востребованная профессия для молодого города. Как и курьер, некрофор не пользовался здесь особым спросом. Кладбище в одну могилу не так уж и сложно содержать в порядке. Молодой мужчина даже радовался тому, что ему достался такая работка. А точнее, полное ее отсутствие. Ведь не это ли здорово, когда ты исправно получаешь заработную плату, и при этом не делаешь ничего?

Но в один из серых, дождливых дней, когда вода превратила землю в кашу, и та неприятно пачкала ботинки, он возвращался домой.

Время было позднее, из бара его вежливо попросили, и с достаточным количеством алкоголя в крови, но в недостаточном настроении, он уныло брел по заученным тропинкам.

Было даже желание покинуть этот город к чертям собачьим, потому что обостренная не востребованность и нереализованность давила на плечи.

Дамы в Самбервилле были не особо сговорчивыми, и это только лишь приумножало тоску в душе.

Фигура у дома, заставила испытать напряжение. Кто в такое позднее время мог дожидаться его?

Врагов у него не было, впрочем, как друзей и женщин.

– Господин мэ́р, – он облегченно выдохнул.

С мэром у него были достаточно неплохие отношения, если это так можно назвать. Мистер Самбер на пушечный выстрел к себе никого не подпускал, был нелюдим и неконтактен.

Но несколько раз, в баре, они перекинулись парой слов, и мэ́р угостил его первоклассной выпивкой.

– Где тебя носит? Хватит жрать за мой счет, Рэй, – мистер Самбер схватил парня за ворот куртки и попытался сфокусировать на нем взгляд.

Свой тяжелый, холодный взгляд, которого так все боялись.

Пьян или под наркотиками?

Рэй мог отличить алкоголика от наркомана, но не сейчас.

– Бери лопату и пойдём. Ты нужен мне, – мэ́р наконец отпустил его, устало массируя пальцами виски.

Да что с ним? Ему плохо?

Таким Рэй его еще не видел. Слишком странный. Он не стал задавать никаких вопросов, и в два счета оказался на своем заднем дворе. Рэй схватил лопату, которая была почти новая.

Самбер молча шел к своему дому, а Рэй следовал за ним. Опомнился он, когда за его спиной захлопнулись ворота.

Особняк мистера Самбера был жутким местом. Он стоял здесь еще до того, как появился город и слухи о нем ходили разные. От историй о кровавых жертвоприношениях до рассказов о психиатрическом госпитале, в котором лечили или пытали душевнобольных. Была еще история, что здесь жила дама, вдохновленная и одержимая историей о венгерской графине, Эржебет Батори. Она заманивала в свой дом бедных крестьянок, кормила, обещала работу. А после, подвешивала их молодые тела на крюки в большом зале и купалась в крови.

Говорили, на полу остались пятна крови жертв, которые так и не удалось стереть.

Пол, как и очень многое в доме, господин мэр не захотел менять. Он желал сохранить дух того времени. Все было тщательно перекрашено и переклеено, и хоть немного говорило о том, что на дворе не шестнадцатый век.

Ходила еще одна история, которая была еще более нелепа, чем остальные.

Будто бы дом принадлежал молодому мужчине, статному и богатому. Мужчина был скрытным, но очень влюбчивым, и жен менял как перчатки. Обиженные и брошенные дамы покидали его, и исчезали, как он сам утверждал, в неизвестном направлении.

Все раскрылось очень внезапно. Очередная молодая жена вошла туда, куда входить ей было строго на строго бы-

ло запрещено. Она вскрыла тайную комнату своего мужа, и обнаружила там семь изуродованных трупов. Что случилось дальше никто не знает, но городские жители в красках дополняют историю концовкой небезызвестной сказки «Синяя Борода».

Есть ли в доме та самая потайная комната – неизвестно, но семь древних могил на заднем дворе дома, приносили то самое чувство сомнения.

Когда ты сидишь в баре, то это все кажется абсурдным и смешным, но сейчас, Рэю было совсем не до смеха.

– Копай, – грозно приказал мэр, указывая пальцем на старинный каменный памятник.

Самбер перевел свое внимание на Лиама, который пил пиво, и иногда поглядывал на большой экран плазмы.

– Ну а ты? Может быть хватит на сегодня?

– Я подожду Джес. На улице стало рано темнеть.

– Это лишнее. Иди домой, а то всякое бывает. Никто не застрахован от случайностей, ведь так? Случайно можно и переспать с кем-то, – мэр водил пальцем по поверхности стойки, – случайно можно и убить. Да, Лиам?

– До встречи, – парень пнул свой полупустой стакан, хватая со стула куртку.

– Я люблю людей, которые все понимают с полуслова, а ты, Джес? – Самбер широко улыбнулся, довольный своей небольшой шалостью.

– Они, наверное, вас огорчают, да?

Джес вздохнула, и чтобы не встречаться с Кайлом взглядом, принялась складывать аккуратной стопочкой меню.

– Меня больше огорчает то, что ты не попросила у меня выходной в этот день, – проговорил Кайл. – Я узнал в последний момент, и это меня расстроило.

– Мистер Самбер, – Джес вздрогнула, потому что не знала, что ответить.

Левое запястье налилось тяжестью от украшения, к которому она еще не успела привыкнуть.

Ранним утром, ее разбудил курьер. Он был не местный, она никогда не видела его в городе. Парень протянул маленькую коробочку, перетянутую атласной чёрной лентой, пожал плечами на попытки узнать имя отправителя, дождался подписи, и нырнув в свою крошечную машинку, оставил Джес в полном недоумении.

Она присела на край дивана и с любопытством сняла упаковочную бумагу. На колени упала маленькая открытка, с лаконичной и короткой печатной подписью:

«С Днём Рождения».

Джес даже вздрогнула от осознания того, что совсем забыла о своем празднике. Ее жизнь была так уныла и однотипна, что вряд ли одна единственная дата, которая повторялась каждый год, могла что-то изменить.

Джес раскрыла тёмную коробочку и ахнула. На подушке, аккуратным кольцом лежал браслет и отбрасывал блики на черную поверхность. Его цвет был глубоким, красным, почти бордовым, словно капли крови заморозили в ледяные кубики и продели сквозь них нитку. Это был альмандин, или пироп, и это были самые красивые камни, которые она когда-либо видела.

Она с трудом застегнула браслет на своей руке. Ей нравилось его сочетание с её слегка оливковой кожей. Джес представила, как он будет выглядеть в более позднее время суток. Камни станут менее прозрачными, впитают в себя черноту ночи и осеннюю прохладу улицы.

Украшение произвело на Джес такое впечатление, что снимать его больше не хотелось. И вот сейчас, невольный взгляд упал на запястье, и на языке уже вертелась догадка. Еще тогда она подумала, что отправитель – Кайл. И уже открыла рот, чтобы поблагодарить его. Но браслет принесли утром, а мистер Самбер утверждал, что узнал о событии Джес совсем недавно...

Что-то здесь не клеилось. И если это не господин мэр, то кто? Ни одна кандидатура не приходила больше на ум, а если это был он, то было бы вежливо оставить его без благодарности?

– Мистер Самбер, мне сегодня утром принесли подарок, я думала...

Кайл потянулся к ее руке, его пальцы надёжно скрывали

перчатки.

– Думала, что это я подарил? – закончил за нее предложение Самбер, перебирая красные кубики.

Джес только шумно сглотнула и кивнула.

– Если бы я предпочёл дарить что-то подобное, то остановился бы на рубинах, Джес. Изысканная женщина, заслуживает изысканных камней.

– Простите, я совсем не это имела в виду, – Джес окончательно смутилась и деликатно освободила свою руку.

Она совсем запуталась в том, что происходило у неё внутри. Он был притягателен. Она отрицала это слишком долго, но теперь сломалась. А стоило ей вспомнить сон, который она по своей же глупости приняла за реальность, щеки моментально порозовели.

Такими людьми, как Самбер восхищаются, силу, которая исходит от них, ощущают физически. Даже все эти зевачки, болтали всякие небылицы, потому что любому мужчине сложно признать превосходство над собой.

– Я хочу, чтобы ты закрыла бар, сейчас, – проговорил Кайл, – оставила, или пригласила только тех, кому действительно рада и отметила свой день рождения. До полуночи ещё два часа, за два часа можно успеть многое.

– Я не могу использовать это место в своих целях, – неуверенно начала она.

– Это мой подарок, Джес.

Он чувствовал, что давит, но ничего не мог с собой поде-

лать.

Ему хотелось остаться с ней наедине, хотелось поиграть с контрастами, подарить нежность и внимание, а потом смешать это с грубостью и удовольствием. Прямо на этой барной стойке, которую ежедневно лапают сотни мужских рук. Только почему малышка Джес все эти годы остается нетронутой? Все недвусмысленные фразы и предложения за столько лет не развратили её, рабочая форма, которая создана для провокации, совсем не придавала вульгарности. Большая часть мужского населения, уже давно смирилась с «неподатливостью» официантки, но только не Самбер. Ему хотелось ощутить, как шпоры на ее сапожках, врезаются в его спину, когда он наматывает на кулак длинные волосы, и занимается любовью с ее языком.

– Мне совсем некого пригласить. Да и если я проведу этот вечер за работой, мне не придётся чувствовать себя такой жалкой, – честно призналась Джес.

Предлагать мистеру Самберу провести этот вечер вместе, она посчитала неслыханной наглостью. Он и так предлагал ей в распоряжение целое заведение. В конце концов, никто кроме нее не был виноват в том, что у нее нет друзей. А господин мэр, вполне мог согласиться, но только из вежливости, или из жалости. Как бы тогда она чувствовала себя? Как бы быстро под ногами разошлась земля и поглотила ее сгорать в своих недрах от непомерного стыда?

Но он не стал её слушать. Не стал потакать тому, чего она

на самом деле не хотела. Через десять минут бар был абсолютно пуст, и Джес не оставалось ничего другого, как метаться по кухне, пытаться придумать чем накрыть стол, которого не было и в планах.

Когда ты долгое время находишься в одиночном плаванье, гребешь веслами воду в своей скудной лодочке, рано или поздно твои руки опускаются. Штиль вызывает апатию, тебя начинает тошнить от воды вокруг. А потом, совершенно случайно, на горизонте кто-то появляется. Он крепит к твоей лодке крюк, и вытаскивает ее из этого болота. В такие моменты, ты испытываешь благодарность. И тебе совсем не важен мотив этого поступка. Сегодня ты спасена, а все остальное будет завтра.

Джес украсила стол, наполнила его закусками, и остановилась у бара. Она не собиралась пользоваться добротой мэра, которой и так уже было слишком много и собиралась платить за ужин сама. Нужно было определиться с выпивкой. Что-то не очень дорогое, но достаточно приличное.

Джес отправила палец в рот, досконально просматривая ассортимент, который знала наизусть. Она никогда не рассматривала этот арсенал для себя.

– Возьми вот это, – она почувствовала за спиной Самбера, его рука едва коснулась плеча, когда он указал на бутылку тосканского вина, – мне нравится его вкус.

Сухое. Красное. Четыреста долларов за бутылку. Его никогда никто здесь не брал. Ей сейчас было плевать на вино.

Тесный контакт с мэром пьянил сильнее всякого алкоголя.

Джес поднялась на деревянную подставку, и молила Бога дать ей сил и унять дрожь в пальцах.

– Я помогу.

Самбер принял из ее рук бутылку, и направился к столу, который она подготовила.

Он достал из кармана металлическую увесистую зажигалку и зажег свечи.

Джес до последнего не знала, стоит ли вообще ставить их на стол, поэтому поставила их на краю, но оставила незажжёнными.

Теперь, когда их пламя танцевало в тёмных глазах сидящего напротив, ей и вовсе стало мало воздуха.

– Расскажи мне о себе, что-нибудь, чего я не знаю, – проговорил Кайл.

Он не притрагивался к еде, а Джес хотелось опрокинуть в себя этот бокал целиком, но она не могла себе позволить этого.

– Я из Оклахомы.

– Интересно, я там никогда не бывал... Знаком с этим штатом, только благодаря печальной истории...

– Теракт?

– Любое неповиновение власти, несет за собой человеческие потери, и зачастую, страдает тот, кто не виновен, —выразил свое мнение ответил Кайл. – Но меня впечатлило другое... Это правда, что люди в память об этой трагедии, берут

ежегодно семена от уцелевшего столетнего вяза, и сажают их по всему городу?

– Правда. Они отдают дань памяти погибшим.

– Ты говоришь «они», а не «мы», ты не скучаешь по дому?

– Мой дом здесь. Здесь, мне нравится больше.

Она умышленно умолчала о муже. Сколько можно постоянно тревожить его своими мыслями?

– В Оклахоме у меня осталась одна сестра, мы с ней не общаемся. В Самбервилле у меня тоже никого нет, но здесь я чувствую себя лучше.

Кайла удовлетворил этот ответ. Он откинулся на спинку стула и вращал в руках бокал на тонкой ножке.

– Мне важно чтобы ты чувствовала себя комфортно. Всегда, и особенно сейчас.

Кайл протянул бокал.

– За твой день рождения, Джес.

– Спасибо.

Она сделала глоток, а ее взгляд задержался на его губах, на кадыке, который дрогнул, на украшенных татуировками пальцах, когда они ослабили пару пуговиц воротника.

– Чем ты занималась до того, как вышла замуж? – последовал новый вопрос.

– Играла на скрипке.

Джес опустила взгляд. Если он так интересуется ее жизнью, то значит ли это, что она нравится ему?

– Почему скрипка? Это инструмент, на котором играют

черти, а ты настоящий ангел.

– Я была не так хороша, чтобы приходить во сне к Тарти-ни, и играть ему сонаты.

Джес улыбнулась, и словила себя на мысли, что чувствует себя немного увереннее, раз способна шутить в присутствии мэра.

– Я не верю, что человек, который способен на такую любовь, может делать что-то вполсилы. Это ведь не про тебя, Джес. Ты максималистка. Что же заставило тебя бросить играть? Муж был против?

– Мне пришлось оставить оркестр и переехать. Вначале мы жили в Миссури, а потом Тим рассказал мне о Самбервилле. Было очень интересно стать частью того, что только появляется на свет, воссоздается по кирпичику. Везде где я жила до этого, уже была своя история, созданная за много веков до нас.

– Совсем недавно, ты говорила, что хотела уехать отсюда. Легко предположить, что город стал тебе ненавистным, – мэр взял бутылку и добавил мареновой жидкости в бокалы.

– Сейчас я чувствую все иначе.

«Благодаря тебе», – застыло на губах, но так и не соскользнуло.

Даже алкоголь не давал ей переступить тонкую грань, которая из мэра города, превращала мистера Самбера в желанного мужчину.

– Сегодня твой день, – улыбнулся он, и в бликах свечей

его лицо стало еще красивее.

Почему она раньше этого не замечала? Мэр взял всю ответственность за похороны на себя, и только сейчас она понимала, насколько огромной была эта услуга. Она бы не справилась одна. Его вовремя и безвозмездно подставленное плечо, облегчило жизнь.

А потом ей выплатили компенсацию. Таковую, что полгода Джес только и делала, что страдала.

Незримая рука, которая крепко сжимала ее руку, всегда была рядом. Рука мистера Самбера.

А однажды он ворвался в ее дом и заявил, что в бар требуется бармен, и что именно она должна занять это вакантное место.

Джес была очень зла на напыщенного, самоуверенного мэра, который силой заставил ее выйти на работу.

Так она думала тогда.

Как же все изменилось. Как же она была ему благодарна.

– Ты можешь озвучить любое желание. Я не смогу отказать тебе, – продолжил Кайл.

– У меня и так есть все, чего я могла бы желать, если рассуждать здраво. Все остальное воплотить невозможно...

– Тогда просить снова придется мне?

Самбер не сводил с нее своих серых глаз. Она успела переодеться в свою одежду. Тонкий свитер под горло, тёмные джинсы. Волосы собраны в хвост. Такие густые, что резинка вот-вот норовила лопнуть. Кайлу нравилось, как красне-

ют её щеки, когда она смотрела на него. Как не выдерживает взглядов, застенчиво улыбается, смущается. Только он чувствовал, уже как несколько дней ощущал, что ее мысли перестали быть невинными. Уснувший на левом плече демон открыл глаза, и в предвкушении потирал руки.

Распять бы ее прямо в храме, разлить церковный воск по молодому телу, зачарованно наблюдать за тем, как он схватится, сделает место ожога розовым. А потом остудить, заставить вздрогнуть. До рези в запястьях натянуть верёвки, вырвать из горла стон, отправить его в высокий свод потолка, довести грех до состояния Абсолюта, в святом месте принудить молить о пощаде именно его, а не выдуманного Бога.

Но Кайл жалел внутренний мир монсеньора, по крайней мере пока.

– Я не знаю... – неуверенно ответила Джес, – если это в моих силах...

– Потанцуй со мной, – проговорил Самбер, и этого было достаточно для того, чтобы пустить под ее кожу ток.

Он не стал ждать ответа. Зашел за барную стойку, включил стереоустановку и опустевший бар заполнился романтической музыкой шестидесятых.

Джес на мгновение задумалась, о том, откуда здесь вообще такой репертуар? Она никогда не натыкалась на подобные песни, тем более с первого раза.

Наверное, когда ты что-то создаешь, твое творение вплоть до мелких деталей подчиняется тебе беспрекословно.

Она вложила подрагивающие пальцы в протянутую ладонь. Широкую. Сильную. Сегодня руки господина мэра были теплыми. Ее ладошку жгло огнём, а спину и вовсе обдало лавой вулкана, когда он прижал ее к себе.

Джес забыла, как дышать. Ее пальцы неуверенно коснулись плеча, вторую руку по-прежнему обжигало прикосновением. Легкие протестующе ответили спазмом, и тогда она вдохнула полной грудью. Вдохнула, но лучше бы этого не делала.

Весь её мир содрогнулся, губы пересохли, когда Кайл поймал её взгляд. Джес не ощущала больше ничего, кроме объятий в которых хотелось утонуть, запаха дорого парфюма, которым, как ей казалось, пропитывается она сама. Самбер вел её в танце, а она чувствовала, как слабеют ноги, как болезненно тянет грудь от плотного соприкосновения, как жар со спины медленно сползает вниз живота.

– О чем ты думаешь, Джес? – Кайл склонил голову, и его губы едва коснулись уха.

Невинный шепот, пробуждающий внутриутробные вибрации.

– Ты хорошо танцуешь, – прошептала в ответ она, потому что голос куда-то исчез.

– Потому что мне приятно это делать. С тобой приятно. Не хочется выпускать тебя из своих рук.

«И не выпускай», – мысленно прокричала Джес, но так ничего и не ответила.

– Расскажи мне, что тебе снилось той ночью.

Его голос стал еще ниже, и Джес показалось, что она летит в пропасть.

Воспоминания заставляли ее почувствовать приятные волны, которые своим покалыванием, вызывали в ней череду мурашек. Хорошо, что ткань свитера была достаточно толстая, и он не почувствует этого.

– Мне до сих пор стыдно, что я ворвалась в твой дом. Прости.

– Это не то, что я хотел услышать, – немного резко, с нотками приказного тона произнес мэр.

Все в стиле мистера Самбера. Но если бы было по-другому, разве она обратила на него свое внимание?

– Мне нечего рассказывать. Обычный сон, но очень реалистичный.

– Тебе было хорошо, в этом обычном сне?

– Можно, я не буду отвечать?

– Значит, я расценю это как «да».

Он улыбнулся. Давно его не заводили простые разговоры. Хотелось искусить ее, да так, чтобы сам дьявол со своим яблоком позавидовал. Самбер давно имел на нее виды, но все никак не решался.

Не будет ли ему скучно? Принесет ли она ему то самое удовольствие, которого он так давно не получал?

Ответ пришел сам по себе, в тот день, когда она появилась на его пороге, вся раскрасневшаяся, возбужденная и растре-

панная, и начала обвинять его. В чем? Узнать так и не удалось.

Что же малышка Джес себе нафантазировала? Вопрос о том, достигла ли она финала, так и вертелся на языке, но неправильно было бы спрашивать это вслух. Тем более сейчас, пока Самбер не поставил ее на колени.

Вместо этого, другой вопрос слетел с языка, когда пальцы сильнее вжались в ее спину.

– Что у вас с Лиамом, вы дружите?

– О, нет, я сегодня впервые увидела его за долгое время.

– Он пришёл к тебе?

– Не думаю.

Какой к черту Лиам?

Как бы она хотела говорить только о мужчине, который пленил её душу, но Джес понимала, что сейчас их вечер закончится, они попрощаются, и сказка подойдёт к концу.

Кайл поднял их сплетенные руки, заставил ее обернуться вокруг своей оси, а когда она снова повернулась к нему лицом, прижал так сильно, что Джес от неожиданности, шумно выдохнула.

Его взгляд снова растворял её до состояния молекул. Рука Самбера переместилась выше, и сжала затылок. Вторая рука скользнула по бедру, задрала свитер. Джес представила, как черные узоры на его запястьях подобно толстым корням вековых деревьев, вырастают в её кожу, питаются кровью, стремятся забраться в самое нутро.

Ощущения были настолько сильными, что она закрыла глаза, а через мгновение, почувствовала, как ее губы поглотил жестокий, подобно убийце, поцелуй.

Губы Самбера властно ласкали её. Настойчивый язык резко оборвал всякие её ответные попытки. Его правая рука по-прежнему сжимала затылок, а вторая прижала ее к себе настолько близко, что она почувствовала возбуждение Кайла. Ей хотелось тоже запустить пальцы в его волосы, тоже что-то сделать, но все его поведение просто кричало о том, что это лишнее. Господин мэр привык брать то, что ему хочется.

Одно короткое движение и тесный бюстгальтер больше не сковывал ее. Зато на его смену пришла горячая мужская рука, которая жадно сжала грудь.

Джес застонала, потому что здравый смысл давно покинул чертоги разума.

Она не понимала, что происходит, только звон бьющейся посуды стоял в голове, и слетевшая на пол черная ткань, которой был накрыт стол, поглотила её в настоящую пропасть.

– Джес, прости, – Самбер убрал руки лишил ее своих объятий, – я пользуюсь своим положением, а это неправильно.

Он коротко улыбнулся, и стал застегивать пуговицы на рубашке, которые неизвестно, когда успел расстегнуть.

Волна возбуждения отхлынула так быстро, что Джес показалась ледяной своя собственная кровь. Она проскользнула мимо Кайла, выбежала в уборную, и плотно закрыла за собой дверь.

Прохладная вода свела зубы, гиперчувствительная кожа готовая к прикосновениям и поцелуям, неприятно ныла.

Дрожащие пальцы сами нащупали лямки бюстгальтера, и с трудом застегнули его.

Как выйти обратно? Что говорить?

В голове крутились миллионы вопросов. Джес была готова отдать что угодно за то, чтобы, когда она вышла, в баре никого не оказалось.

– Джес, у тебя все в порядке?

Она вздрогнула, когда в дверь постучали. Когда голос, который так её волновал, снова раздался рядом.

– Я войду?

Золотистая ручка медленно прокрутилась влево, раздался щелчок открывшегося замка. Джес стояла как вкопанная, и не могла пошевелиться.

– Прости меня ещё раз, я не хочу, чтобы ты избегала меня или боялась, – проговорил Кайл, заполняя собой все небольшое пространство. – Я должен держать свои желания при себе, ведь это не то, что тебе нужно, верно? Ты ведь по-прежнему любишь своего мужа, а я просто внес ненужный разгром в твои мысли, ведь это так?

Джес не знала, что ответить. Все происходящее поставило ее в тупик. К своему собственному стыду, она понимала, что в объятиях мистера Самбера, она ни разу не вспомнила о своем муже. И сегодня четко осознала, что он мертв. А к ещё большему стыду, поняла, что и при жизни он не был

способен вызвать в ней таких сильных чувств, которые до сих пор тлели пепелищем недавно разожжённого костра.

– Джес? Ответь мне, я правильно сделал, что остановился?

– Я не знаю, – выдохнула она.

– А кто должен знать, если не ты?

– Мне нужно время, чтобы подумать и ответить на этот вопрос.

Минимум ответственности и минимум разговоров.

– Я проведу тебя домой, не хочу, чтобы тебе что-то угрожало.

– Ни в одном городе нет ниже уровня преступности, чем в нашем, – отрешенно проговорила она, и закрыла кран.

– Тем не менее. Не отказывай мне в удовольствии провести с тобой еще несколько минут.

– Мне лучше остаться.

Еще одна попытка. Попытка избежать стыда, который пронизывал ее тело насквозь.

– Мне нужно убрать все к утру.

– Завтра у тебя будет выходной, – Самбер снова коснулся ее раскрасневшейся щеки.

Смущение, стыд – это все стало чем-то запредельным с тех пор, как он вырос. Вершителю судеб не ведомо подобное.

В детстве у него было немного игрушек, но сейчас он обзавелся собственными марионетками, которые исполняли все

что угодно, стоило только потянуть за тонкую нить. Но иногда так хотелось испытать чего-то земного. Даже Зевс спускался с Олимпа, пресыщенный окружением и вниманием богинь.

Сейчас, Кайл дернул за невидимую нить, и Джес покорно кивнула.

Еще раз дернул, – и она закрыла пустой бар.

– Спасибо вам за вечер, – она все-таки решилась хоть что-то произнести.

– Не нужно. Мы с тобой одиночки, и совсем не удивительно, что нам захотелось провести время вместе. Мне некуда спешить. Дома меня не ждет жена с детьми. Так что, это ты скорее делаешь одолжение, когда даришь свое внимание.

Они медленно шли по асфальту, который уже слегка покрылся первым инеем. Холод настойчиво проникал в город, а Джес все думала: позвать ли мэра в гости, на чашку чая? Он же говорил, что у нее есть право на одно желание?

Объектом всех ее желаний сейчас был именно он. И может быть, монсеньор был прав? Не стоит скрывать больше своих чувств?

Но произошедшее в баре не давало покоя. Она уже там показала, насколько подвержена его власти, которая своей силой сметает все на своём пути.

На улице было тихо и безлюдно, только голые деревья покачивали ветками.

Совсем скоро должен был выпасть первый снег. С недавних пор, Кайл терпеть не мог первый снег, он ассоциировался у него с чувством безысходности. Привкусом потери. Один единственный день в году, когда его накрывала грусть и он не пытался с ней ничего сделать. Позволял заполнить тело, грудную клетку, и пугающую пустоту внутри нее. Он вспоминал чужие, весёлые лица, огни фейерверков и гирлянд, с украшенного к празднику особняка. Белая фата невесты, и такие же белые хлопья, которые падали ему на плечи. Этот день стал точкой невозврата. Новой главой в сожжённом рукописном томе.

– Вот мы и пришли, – отвлекла его от тяжёлых воспоминаний Джес.

Самбер чувствовал, как она напряжена, как пытается на что-то решиться, размышляя морщит под шапкой лоб, но не решается сказать.

Ему даже стало скучно. Так всегда. По особой иронии все сходит с рук тому, кто боится действовать несмотря на то, что в мыслях он грешнее голодного бродяги, стащившего из магазина булку. Но ведь в заповеди об этом ни слова.

– Я пришлю тебе подарок завтра, на свое усмотрение, если ты не определилась, – проговорил Кайл.

– Подарок?

Джес хотелось вскрикнуть, что самым лучшим подарком для неё станет возможность избавиться от одиночества, но она промолчала.

Между ними повисла липкая тишина. То самое противное чувство, когда что-то пошло не так, и ты не в силах ничего исправить.

– До встречи, Джес, – Кайл улыбнулся краешком рта, вздернув воротник повыше, и убрал руки в карманы.

– До встречи, мистер Самбер.

Замерзшими пальцами она потянулась к замку, бросая тоскливый взгляд на удаляющуюся фигуру.

ГЛАВА 4

Гроза обрушилась на город ночью, и беспокоила своим шумом людей. Заставила выбираться их из тёплых кроватей, сновать по дому и закрывать все окна для того, чтобы обезопасить жильё от нежелательной влаги.

Вынудила вглядываться в плотную пелену дождя, высматривать то, что не стоило бы высматривать и подслушивать то, что не нужно было подслушивать.

Пожилая миссис Максвелл, свесила с постели сухие ноги и постанывая, побрела к приоткрытой веранде. Она была одной из самых взрослых жительниц Самбервилля. Женщина приехала сюда с четырьмя сыновьями ещё во времена основания города, с целью помочь им обжиться.

Перспектива обеспечить бесплатным жильём сразу четырёх сыновей, в тот момент выглядела очень соблазнительно. С финансами было туго, и миссис Максвелл, отправилась сюда с детьми. Она сама не заметила, как прикипела к этому месту. К маленькому домику с уютной верандой, красивому парку, к милой соседке, которая частенько заглядывала к ней, предлагая помощь. Женщина прикрыла дверь, потому что сквозь равномерный шум воды, ей слышались посторонние звуки. Мотнула седой головой и спешно перекрестилась, ругая себя за то, что пропустила службу. Звук повторился.

Миссис Максвелл даже сделала шаг в сторону двери, но вовремя одернула себя, опуская взгляд на свободную, ситцевую ночную рубашку в синий цветочек.

– Завтра. Завтра утром, – пробормотала она сухими губами.

Всю ночь ей спалось плохо, то ли гроза так действовала на организм, то ли дурные мысли не давали покоя, но ранним утром, переодевшись в спортивный костюм, миссис Максвелл, направилась к своей соседке. Приоткрыла маленький замок на заборе, прошла по серой плитке, и тихонько постучала в дверь.

Отчаянное чувство тревоги тупо кольнуло в сердце, когда дверь приоткрылась самостоятельно.

– Джессика? – хрипло прикрикнула женщина, – Джес, ты дома?

Пугающая тишина, действовала угнетающе.

– Джес...

Миссис Максвелл схватилась рукой за грудь, когда открыла дверь спальни. Ее пальцы задрожали, сердце сдавило. Она старалась ни к чему не прикасаться, и пыталась сохранить рассудок до того момента, как совершит важный звонок. Как только она вышла из дома, то бросилась к себе, не разбирая дороги.

Рич Алертон выбросил второй окурочок на землю, опираясь спиной о бок полицейской машины. Подниматься не хо-

телось, курить третью и растягивать время тоже. Легкие уже жгло горечью, капилляры в глазах сушило от недостатка сна.

«И почему эта миссис Максвелл, не позвонила на час позже?» – крутилось в его голове, когда он оттолкнулся от тачки, лениво шагая к зданию.

Его мощные ботинки рассекали лужи, штаны полицейской формы были аккуратно убраны в высокое голенище с крепкой шнуровкой, а темная куртка с соответствующими нашивками, была к лицу Алертону. Да в принципе, ему было к лицу все, даже хронический недосып, которым он страдал.

Рич толкнул дверь, и поднялся на второй этаж. Вошёл в приёмную мэра, кивнул секретарше.

Кто бы знал, как ему не хотелось здесь быть. Не хотелось говорить с мистером Самбером. Излагать детали. Выслушивать вопросы. Его вполне устраивало работать в городе, в котором никогда ничего не происходит. Все эти гонки, а тем более нудные расследования, которые интересны, разве что, в «Шерлоке», совсем не прельщали молодого копа.

– Мэр у себя? – проговорил Рич, и девушка неуверенно кивнула.

– Ну объявляй, – Рич неопределённо махнул рукой в сторону, и сел в ближайшее кресло, которое тут же под ним прогнулось.

– Входи, – вывела его не из самых приятных размышлений, блондинка, которую будто бы совсем недавно достали из кукольной коробки и усадили за этот стол.

Он пригладил короткие, темные волосы, расправил плечи и постучал.

Чисто для приличия.

Если бы Алертон не был настолько наглым и самоуверенным, то вряд ли бы его держали начальником полиции.

– Мистер Самбер, я, – начал было он, когда вошел в кабинет, и тут же запнулся, когда встретился взглядом с еще одной блондинкой в кресле, напротив мэра.

– Амели уже уходит, – устало пояснил Кайл, перенимая все внимание от идеально ровных ног девушки, на себя, – что у тебя, Рич?

– Сегодня утром нашли труп.

– Ты свободна, что не ясного? – серые глаза обесцветились, брови сомкнулись, а тембр голоса стал в миг грубее и жестче.

– А это секрет какой-то? – бегло улыбнулась Амели, и пожала плечами, – все равно в городе все скоро будут болтать об этом.

– В принципе, не секрет, – Рич покачал головой, – все равно практически каждому будет задан вопрос, где он провел сегодняшнюю ночь.

– И ты решил начать с меня? – Кайл откинулся на спинку своего кожаного кресла.

– Не совсем, просто хотел поставить в известность, но если ты настаиваешь, господин мэр...

– Чей труп обнаружили? – задал вопрос Самбер.

– Где вы были этой ночью? – ответил вопросом на вопрос Алертон.

– Ты меня в чем-то подозреваешь, Рич?

– Закон наделил меня правом задавать вопросы, я просто делаю свою работу. Это вызывает проблемы?

Амели поежилась, от чувства напряжения между двумя мужчинами.

Несмотря на то, что она видела копа всего несколько минут, он уже был для неё значительно симпатичнее мерзкого мэра, который никак не хотел идти ни на какие уступки.

Но коп оставался обычным копом, а мистер Самбер – главой города, и его расположение было куда важнее, чем дикое желание понаблюдать за тем, как его закуют в наручники и выведут отсюда.

– Я был дома. Как и любой порядочный человек.

– Кто-то может это подтвердить? – сухо, и как-то без особого интереса задал Рич свой следующий вопрос.

– Ты идиот? Все прекрасно знают, что я живу один.

– Вас видели последним с жертвой, – следующая стандартная фраза, от которой Амели заерзала на стуле.

– Кто это сказал? – скулы мэра зашлись в движении.

Гребанные предатели. Как они смеют давать показания, и порочить в них его имя?

– Люди, – пожал плечами Рич, – посетители бара, в котором работала Джес.

– Джес? Что? – глаза Самбера округлились, а лицо засты-

ло в ледяной гримасе.

То ли боль, то ли страх, то ли отчаяние.

Амели с интересом наблюдала за метаморфозами, которые произошли с мэром и не понимала: это качественная актёрская игра, или ему действительно жаль погибшую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.